

Академия управления управления МВД России

А. В. Метелев, Т. В. Михайлова

**ПРИКЛАДНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Учебно-методическое пособие

Москва • 2023

УДК 159.9
ББК 88.8
М54

*Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России*

Рецензенты: *Борисова С. Е.*, доцент кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат психологических наук, доцент; *Душкин А. С.*, начальник кафедры психологии и педагогики Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

М54

Метелев А. В., Михайлова Т. В.

Прикладная юридическая психология в деятельности руководителей органов внутренних дел Российской Федерации : учебно-методическое пособие. Москва : Академия управления МВД России, 2023. – 96 с.

ISBN 978-5-907530-41-6

Учебно-методическое пособие предназначено для организации учебного процесса и научной деятельности ведомственных образовательных организаций высшего образования МВД России при подготовке управленческих кадров, адъюнктов (аспирантов), магистрантов и других лиц, занимающихся научно-исследовательской деятельностью в МВД России, и реализации программ дополнительного профессионального образования, а также в системе профессиональной служебной и морально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 159.9
ББК 88.8

ISBN 978-5-907530-41-6

© Метелев А. В., Михайлова Т. В., 2023
© Академия управления МВД России, 2023

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Основные теоретические и методологические подходы к изучению предмета юридической психологии	6
1.1. Специфика предмета юридической психологии, основные теоретические и методологические подходы к его изучению.	6
1.2. Место и роль прикладной юридической психологии в системе научного знания и юридической практики	17
Глава 2. Категориальный аппарат прикладной юридической психологии в деятельности руководителя органов внутренних дел Российской Федерации	25
2.1. Психологическое содержание понятий и категорий прикладной юридической психологии в деятельности руководителя органов внутренних дел Российской Федерации ...	25
2.2. Особенности психической деятельности, имеющие юридическое значение и влекущие за собой определенные правовые последствия	33
Глава 3. Использование психологических знаний руководителем органов внутренних дел Российской Федерации в профессиональной деятельности	67
3.1. Использование специальных психологических знаний при оценке правомерности применения сотрудником органов внутренних дел Российской Федерации огнестрельного оружия	67
3.2. Рекомендации по использованию психологических знаний руководителями органов внутренних дел Российской Федерации в юридически значимых ситуациях профессиональной деятельности	76
Заключение	86
Список литературы	88
Приложение	91

Введение

В последнее время наметился определенный сдвиг в осознании необходимости преодоления накопившегося отставания в социальных преобразованиях, наукоемких технологиях и духовной сфере. Своего рода знаком времени стало повышенное внимание к инновационности мышления и действий на всех уровнях, и прежде всего на уровне требований к системам управления (менеджменту ведомства, организации, а в пределе – каждому руководителю).

Эта задача выдвинута в качестве важнейшего условия обеспечения национальной безопасности страны, конкурентных преимуществ в XXI в. С нашей точки зрения, весомый вклад в решение этих грандиозных задач должна внести и юридическая психология.

Предмет и предназначение юридической психологии есть определенный способ понимания, изучения и служения человеческому бытию, мера благополучия которого должна стать единственным критерием эффективности системы права и его применения. Человечество упаковано в праве, вопрос заключается только в мере гармонии. Именно в поиске ее видится нам великая экзистенциальная миссия юридической психологии¹.

Поскольку вопросы совершенствования профессиональной деятельности руководителей органов внутренних дел Российской Федерации непосредственно связаны с использованием знаний юридической психологии в оценке психолого-релевантных и юридически значимых ситуаций профессиональной деятельности, то для эффективной реализации управленческой деятельности руководителям необходимо владеть специальными психологическими знаниями или обращаться непосредственно к специалистам-психологам. В этой связи нами проведен анализ научно-методологических подходов к изучению предмета юридической психологии; изучены место и роль прикладной юридической психологии в системе научного знания и юридической практики в деятельности руководителей органов внутренних дел; рассмотрены содержание категориального аппарата прикладной юридической психологии и особенности психической деятельности, имеющие юридическое значение и влекущие за собой определенные правовые последствия; разра-

¹ Черненилов В. И. Цивилизационная миссия юридической психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 19–26.

ботаны рекомендации по использованию психологических знаний юридической психологии в деятельности руководителя органов внутренних дел Российской Федерации.

В данном учебно-методическом пособии представлены рекомендации по использованию психологических знаний руководителями органов внутренних дел Российской Федерации в оценке психолого-релевантных и юридически значимых ситуаций профессиональной деятельности.

Авторы надеются, что содержание учебно-методического пособия будет способствовать более глубокому и осмысленному освоению знаний и формированию компетенций в области прикладной юридической психологии, обогащению научно-теоретического кругозора, научной психологической культуры руководителей органов внутренних дел.

Глава 1. Основные теоретические и методологические подходы к изучению предмета юридической психологии

1.1. Специфика предмета юридической психологии, основные теоретические и методологические подходы к его изучению

До настоящего времени остаются дискуссионными вопросы места юридической психологии в системе психологических наук, ее предметного содержания, теоретического статуса.

Идеи, давшие направление отечественной юридической психологии как самостоятельной научной дисциплине, были заложены в трудах исследователей¹, отмечающих необходимость использования знаний психологии в целях совершенствования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Вопрос же о том, что представляют собой знания, относящиеся к сфере юридической психологии, остается открытым.

В. Л. Васильев определяет юридическую психологию как прикладную дисциплину, изучающую различные аспекты личности и деятельности в условиях правового регулирования².

Близкое к указанному определение понятия юридической психологии дает И. А. Горьковая. Она видит в ней прикладную науку, находящуюся на стыке психологии и юриспруденции, предметом которой являются индивидуально-психологические особенности субъектов правоотношений, общие психические закономерности системы «человек – право»³.

¹ *Васильев В. Л.* Юридическая психология: учебник для вузов. 5-е изд., доп. и перераб. Санкт-Петербург, 2005. С. 11; *Дулов А. В.* Судебная психология: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Минск, 1975. С. 364–377; *Костицкий М. В.* Введение в юридическую психологию: методологические и теоретические проблемы. Киев, 1990. С. 141–145; *Ратинов А. Р.* Избранные труды / сост. М. В. Кроз, Н. А. Ратинова. Москва, 2016. С. 11.

² *Васильев В. Л.* Юридическая психология: учебник для вузов. 5-е изд., доп. и перераб. Санкт-Петербург, 2005. С. 17.

³ Юридическая психология: конспект лекций / сост. И. А. Горьковая. Москва; Санкт-Петербург, 2005. С. 5.

По мнению М. И. Еникеева, юридическая психология изучает проявление и использование психических закономерностей, психологических знаний в сфере правового регулирования и юридической деятельности¹.

В. В. Романов включает в предмет юридической психологии знания о различных явлениях психики, индивидуально-психологических особенностях личности субъектов правоотношений, вовлеченных в сферу правоприменительной деятельности, социально-психологических закономерностях этой деятельности, воздействующей на психику, сознание и поведение участвующих в ней людей².

В отдельных работах говорится о специфических особенностях (чертах) психических процессов, свойств и состояний, имеющих у субъектов правоотношений, которые и образуют специальные знания юридической психологии. Так, И. И. Аминов, определяя область знаний юридической психологии, отмечает, что данная научная отрасль включает в себя различные знания из психологии и юриспруденции, синтезируя их в новую науку. «В области общественных отношений, отношений между людьми, регулируемые нормами права психические процессы, состояния, образования и свойства приобретают специфические черты... их проявление носит характер объективных психических закономерностей, которые и составляют предмет юридической психологии»³.

В целом, анализ научных и учебных работ отечественных психологов позволяет сделать выводы о том, что каждый из исследователей предлагает примерно одинаковое понимание предмета юридической психологии, хотя некоторые из существующих определений резко критикуются. Например, по мнению А. Р. Ратинова, определение юридической психологии как синтеза психологических знаний о взаимодействии людей в сфере правоотношений и правового регулирования представляет собой не что иное, как «рецидив несостоятельных с науковедческой точки зрения представлений»⁴. Не вдаваясь в отдельные аспекты существующих на сегодняшний день определений понятия юридической психологии, отметим, что общим и во всяком случае единым мнением ученых остается суждение об интегративном характере знаний юридической психологии.

¹ Еникеев М. И. Юридическая психология. Москва, 2005. С. 1.

² Романов В. В. Юридическая психология: учебник для академического бакалавриата. 6-е изд., перераб. и доп. Москва, 2015. С. 17–18.

³ Аминов И. И. Юридическая психология: учебное пособие. Москва, 2007. С. 6–7.

⁴ Ратинов А. Р. Избранные труды / сост. М. В. Кроз, Н. А. Ратинова. Москва, 2016. С. 47.

История становления предмета юридической психологии действительно тесно связана именно с интеграцией юридических и психологических знаний. Понимание интегративного характера знаний юридической психологии как очевидного явления еще не позволяет ответить на вопрос о специфике этих знаний. Нерешенной остается проблема механизма интеграции юридических и психологических знаний, в результате которой появляется новое знание.

Нераскрытый в данной части вопрос укоренил в научной и учебной литературе мнение о том, что на предмет юридической психологии существуют разные точки зрения¹, что, по всей видимости, и мешает очертить круг принадлежащих юридической психологии знаний.

В этой связи А. М. Столяренко отмечает, что анализ расхождений имеющихся точек зрения на предмет юридической психологии приводит к выводу о том, что знания юридической психологии относятся больше к юридической части предмета, чем к психологической. Юридическая психология, по мнению А. М. Столяренко, находясь на стыке юриспруденции и психологии, призвана понимать свой предмет в «юридической части» так, как его понимает юридическая наука, а в «психологической» – как его понимает психологическая наука².

Несмотря на то, что А. Р. Ратинов в связи с соотношением предмета и знаний в науке напоминал, что «...знания являются содержанием науки, а не ее предметом, предметом же служат психические явления, механизмы, закономерности»³, данные категории хотя и не тождественны, но взаимосвязаны. Нерешенность проблемы предмета не позволит решить задачу системы знаний юридической психологии и, кроме того, не позволит преодолеть тот самый пресловутый подход к ее развитию как научной отрасли, который был назван «тупиковым»⁴.

Тупиковый, или бесперспективный, путь развития юридической психологии – это такой путь, при котором, по мнению А. Р. Ратинова, юридическая психология рассматривает психологические закономерности по аналогии с тем, как это делает общая

¹ Юридическая психология: учебник / под науч. ред. О. Д. Ситковской. Москва, 2011. С. 7.

² Прикладная юридическая психология: учебное пособие для вузов / под ред. проф. А. М. Столяренко. Москва, 2001. С. 17.

³ Ратинов А. Р. Избранные труды / сост. М. В. Кроз, Н. А. Ратинова. Москва, 2016. С. 47.

⁴ Юридическая психология: учебник / под науч. ред. О. Д. Ситковской. Москва, 2011. С. 12.

психология, попутно определяя значение этих явлений для юриспруденции. Однако в таком случае многие значимые для юриспруденции психические явления, их особенности будут «ускользнуть»¹.

В этой связи, по мнению Ф. С. Сафуанова, актуальным остается мнение о том, что юридическая психология лучше разработана не как наука, а как учебная дисциплина, ориентированная на популяризацию психологических знаний в учебном процессе, а прирост новых знаний в этой области происходит еще медленно. «Несмотря на то, что в большинстве учебных пособий приводятся разнообразные определения предмета юридической психологии, она остается объектной наукой»².

Накопленные юридической психологией как учебной дисциплиной знания – это фактически сбор наблюдаемых и (или) обобщенных из разных источников (в том числе правовых) информации знаний о специфике поведения субъектов различных правоотношений, об особенностях протекания у субъектов данных отношений психических процессов, свойств и состояний в конкретных правовых условиях (определенного процессуального статуса или ситуаций допроса, судебного заседания и проч.). Например, юридическая психология предлагает знания о том, что у потерпевших от насильственных преступлений восприятие искажается в сторону гиперболоизации личности преступника³; для проявления межгрупповой враждебности вполне достаточно самого факта групповой принадлежности⁴; а присяжные заседатели, находящиеся в плохом настроении, склонны к более серьезному наказанию подсудимого, чем их коллеги с хорошим настроением⁵, и т. д.

Главным направлением исследований юридической психологии является анализ взаимоотношений в системе «человек – право», в настоящее время это одна из наименее разработанных областей исследований. Анализ наиболее авторитетных исследований в юридической психологии свидетельствует о предпочтении их авторов изучать скорее профессиональную деятельность в сфере право-

¹ Там же. С. 11.

² Сафуанов Ф. С. Существует ли специальная методология юридической психологии? Приглашение к дискуссии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 8.

³ Кертэс И. Тактика и психологические основы допроса: монография / под общ. ред. проф. А. И. Винберга. Москва, 1965. С. 50.

⁴ Криминальная психология: курс лекций / под науч. ред. О. Д. Ситковской; Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Москва, 2013. С. 143.

⁵ Гулевич О. А. Психология в суде присяжных. Аналитический обзор: учебное пособие. Москва, 2003. С. 74.

порядка, чем сложившиеся тенденции в сфере правотворчества и функционирования самой системы права. Проблема соотношения правовых и психологических знаний, по мнению О. Д. Ситковской¹, упирается в определение предмета юридической психологии, которому в учебниках по юридической психологии, к сожалению, дается неоднозначная дефиниция.

Не одно десятилетие продолжается дискуссия о закономерностях и механизмах междисциплинарного синтеза знаний о человеке, о способах связи юридических и психологических явлений в сфере отношений, регулируемых правом. Отсутствие единого понимания предмета юридической психологии, а также психологических механизмов, лежащих в основе образования новых правовых отношений, заставляет юристов и психологов обращать пристальное внимание на каждое научное исследование, где предпринимается попытка описания и толкования того, что относится к психологии, но используется юристами. И наоборот, юридические психологи стремятся адаптировать, превратить в собственный инструмент психологического познания базовые юридические категории и понятия. Подобного рода тенденции получили названия «юридизация» и «психологизация», при этом под ними подразумевается определенный уровень синтеза психолого-юридического знания².

Однако проблема юридизации и психологизации не проста и не сводится только к невысокой культуре владения юристами психологическими знаниями. По словам самих юристов, понятие юридизации оказывается неоднозначным с точки зрения оценки непосредственных и отдаленных (масштабных) социальных последствий и по своим многосоставным элементам³. Юридизация – это некое качественное состояние всех элементов правового механизма, правовых регуляторов, включающее в себя их активное распространение и усиление воздействия на систему общественных отношений. При этом процесс юридизации может носить естественный и искусственный характер, может достигать, а может и не достигать целей повышения эффективности действующего права, так как зависит от множества других условий, в том числе от решения проблемы социокультурного, социально-психологического освоения данно-

¹ Ситковская О. Д. Конвергенция юридической психологии и правовой науки // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 2 (34). С. 55–60.

² Шаранов Ю. А., Кобозев И. Ю., Антилогова Л. Н. Самоусиление тенденции к психологизации права в современном юридическом дискурсе // Психологопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27. № 1 (88). С. 8.

³ Дубишина Е. Н. Юридизация отношений в современном обществе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. С. 7.

го процесса. Без добровольного согласования мотивов и интересов людей, психологической готовности свободных субъектов объединяться, сочетая индивидуальную и коллективную волю без навязывания из вне силового подчинения закону, социальные институты не могут приобретать устойчивость и сплоченность вокруг общезначимых целей и ценностей. Получается, что процессы юридизации и психологизации взаимно друг друга усиливают, так как они одновременно выступают друг для друга в качестве средства и условия, обеспечивая легитимный государственный порядок, свободы и права каждого субъекта.

В то же время социальная природа, цели, способы юридизации и психологизации отличаются друг от друга. Так, процессы юридизации имеют тенденцию к превращению в самодостаточный, связанный с воспроизводством атрибутов самого государства процесс. При этом проблему свободы личности право пытается решить внешним, социально-объективным образом, стремясь «заставить личность жить правильно». Иными словами, право преимущественно действует из вне, контролирует и задает причинность поведения, тогда как личность гораздо успешнее все эти вопросы решает на «внутреннем» уровне, опосредуя внешние воздействия через внутреннее отношение. В силу своего творческого склада личность больше устремлена не столько к поддержанию должного порядка, сколько к творческому самовыражению своей субъективности, а потому, как правило, перестраивает и переформатирует процессы собственной жизнедеятельности, стремясь сохранить себя в качестве уникального, свободного субъекта. Отсюда между процессами юридизации и психологизации и внутри них существуют нелинейные по своей природе отношения, различные по форме и содержанию противоречия и конфликты.

Современный этап развития юридической психологии характеризуется широким освоением достижений мировой психологической мысли, активным проведением разнообразных прикладных исследований проблем и феноменов правоохранительной деятельности. Среди юристов различного уровня наметилась тенденция к росту числа потребителей психологического знания, сюда примыкают представители не только академической и университетской науки, но и органов законодательной и исполнительной власти, прокуратуры, адвокаты, нотариусы. Естественно, в научной методологии кроме синтеза существуют и другие способы развития научного знания. Однако именно синтез может оказать релевантное воздействие на становление новой архитектуры предмета юридической психологии.

Правовая система и юридическая практика современного российского общества находятся в ситуации динамического, противоречивого перехода от традиционной модели к либеральной, инновационной, цифровой. При этом на фоне усиления принципов полезности, эффективности и технологичности существует и противоположный «механическому фантому технологии» принцип – принцип сохранности и расширения влияния моральных и духовных компонентов культуры, идей национальной юридической и психологической школы на развитие правоохранительной системы общества. В этом смысле право не может быть выше, чем культурный уровень общества и его правовое сознание. Национальная культурная традиция выступает в роли постоянной оппозиции между потребностью в устойчивом порядке и изменчивостью, необходимостью быстро откликаться, например, на постмодернистский вызов, перед которым стоят сегодня психологическая и юридическая науки. Однако, что обуславливает все эти переходы, вызовы и изменения, каковы их содержательные, качественные и количественные характеристики, чего ожидать от них психологической и юридической практике, ясности пока нет.

Именно юристы первыми в своих научных исследованиях и практической деятельности обратились к синтезу правовых концепций и психологического знания, предлагая новые идеи и способы обобщения юридических фактов в ответ на политику либерализации законодательства и правоприменительной практики, а также недостаточную отрегулированность внутренних социальных конфликтов. Положение дел усложнялось из-за увеличения количества дерзких и тяжких преступлений, совершаемых новыми для отечественной юриспруденции категориями преступников – маньяками, извращенцами, педофилами, гомосексуалистами и т. п. В известной степени процесс психологизации в эти годы осуществлялся в контексте нарастания эгоцентризации в сфере правовой жизни общества, возвышения ценностей индивидуальной свободы отдельного субъекта. Менялась единая, традиционная картина психолого-юридической реальности, важной для развития как юридической психологии, так и юридической практики. Однако до сих пор не изменились привычные для психологов и юристов линейные методы познания социальности: психологи сравнительно чаще оперируют дилеммами (между научной закономерностью и ценностным суждением, гуманистически нагруженным подходом к анализу социальных процессов и бездушным императивом права, между индивидуальным и общественным), тогда как юристы предпочитают рефлексировать поведение и действия людей, опираясь на закрепленные

в законодательстве аксиомы, поскольку это свойство необходимо любым концептуальным правовым построениям. Тем самым юристы имманентно сосредоточены на технологической стороне права, его форме, линейной связи норм, в результате средства права нередко ставятся вперед его цели.

Иначе говоря, юристы принимают мир психологии, но интерпретируют его иначе по сравнению с психологами, а именно с точки зрения юридической прагматики (юридической истины и юридического смысла), определяя границы допустимого и запретного. Поэтому приходится говорить о разных стилях и стратегиях понимания феноменов сознания, значения, умысла, действия и поступка, укорененных в культурной познавательной традиции психологов и юристов¹. Вместе с тем общим сюжетом для юристов и психологов второй половины XX – начала XXI в. является признание общей логики социокультурной модернизации, востребующей предметную, творческую и самостоятельную деятельность человека как субъекта, репрезентирующего совокупность дискурсов «хочу», «могу», «должен», «надеюсь», «верю» и пр.² Налицо тот самый онтологический поворот, сущность которого в обогащении социально-исторических трактовок человеческого бытия и субъектности, переход к интерпретации духовной биографии субъекта в контексте духовной истории человечества.

Представляется, что именно юридической психологии, как никакой другой отрасли психологической науки, надлежит решать фундаментальные проблемы гуманистической коррекции сложившегося в отечественной правовой науке подхода. Необходимо восстановить онтологический статус психического, оттесненного на второй план сначала хорошо известной в психологии теорией отражения, а затем поверхностной и сиюминутно ориентированной прагматизацией. Только в этом случае юридическая психология должна выполнить свою экзистенциальную миссию.

Необходимость изучения психики в онтологическом плане в настоящее время глубоко осознана. С точки зрения В. А. Барабанщикова, «долгое время онтология психических явлений считалась проблемой «второго плана» и отдавалась «на откуп» смежным дисциплинам – физиологии, логике, социологии или информатике... Сегодня становится очевидно, что без учета способа существования

¹ Шаранов Ю. А., Кобозев И. Ю., Антилогова Л. Н. Самоусиление тенденции к психологизации права в современном юридическом дискурсе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27. № 1 (88). С. 9.

² Колоскова И. Ю., Соколов Н. Я. Юристы как социально-профессиональная группа (советский период) // Государство и право. 2003. № 10. С. 63–70.

психических явлений, их бытия психологическое знание остается принципиально неполным, а в практическом отношении – весьма ограниченным»¹. Представляется, что указанное применительно к психологическому знанию в полной мере относится к любому виду практической деятельности, решающей свои проблемы без учета онтологии человеческой психики. Вместе с тем выход психического со второго плана на первый влечет за собой смену упомянутой идеологии «психологического обеспечения» на идеологию «обеспечения психического». Первые практические результаты ее реализации в юридической психологии уже имеются (различного рода психологические экспертизы, работы по проблемам психологической безопасности личности и общества, исследования в сфере экологической психологии и т. п.). Однако надо при этом отдавать себе отчет в уровне сложности этого направления психологических исследований, обусловленном не только выходом психологии из самой себя в глобальный мир, но и его преобразованием по человеческим меркам.

Для юридической психологии заманчиво использовать онтологический подход для решения исходного вопроса – что представляет собой ее предмет. Исторически сложившееся направление такого поиска (еще со времен Ф. Энгельса) опирается на доминанту территориальности: новая наука имеет право на существование только при условии наличия не освоенного другими науками предмета исследований. Каждому последователю нового научного направления хочется иметь твердую почву под ногами, то есть предмет научных устремлений. Есть ли такая территория у юридической психологии? Можно ли использовать методологию поиска свободных территорий для построения ее предмета?

В качестве первого фактора, разрушающего подобные территориальные притязания, в настоящее время выступает тотальная глобализация мира и научного мышления о нем. Целый ряд видных ученых подчеркивают, что современное теоретическое и прикладное мышление уже не может не включать в себя глобализацию в качестве важнейшего фактора, определяющего многие существенные характеристики изучаемых или создаваемых объектов. В психологии это требование выступает и как необходимость рассматривать любое изучаемое явление в качестве системы, включенной в систему более высокого порядка, или метасистему (А. В. Барабанщиков,

¹ *Барабанщиков В. А. Системность в психологии: методологическая позиция и пути ее реализации // Системная организация и детерминация психики / под ред. В. А. Барабанщикова. Москва, 2008. С. 23.*

А. В. Карпов), и как методология междисциплинарного подхода, за которым стоит реальная взаимосвязанность человека и мира (А. Л. Журавлев, А. В. Юевич и др.). Причем такое расширение масштабов научного анализа в системном и междисциплинарном отношении приводит к серьезной трансформации сложившихся ранее представлений о реальных границах любого предмета психологических исследований.

Под напором новых данных не выдерживает критики и еще один оплот отмеченной ранее доминанты территориальности – построение предмета науки на идеологии стыка предметных областей двух наук. Применительно к юридической психологии речь идет о двух, фактически независимо существующих науках – праве и психологии, каждая из которых при такой интеграции ничего не изменяет в понимании своего предмета. Наиболее последовательно эта точка зрения выражена А. М. Столяренко, полагающим, что юридическая психология «понимает свой предмет в «психологической части» так, как его понимает психологическая наука, а в «юридической части» так, как его понимает юридическая наука»¹. Если даже не принимать в расчет использование термина «часть» как несистемного, то при таком подходе не достигается необходимая системная интеграция стыкуемых реалий, в результате которой стало бы возможным появление некоей новой целостности, по праву способной выступить в качестве предмета особой науки – юридической психологии.

Критикуя существующий подход к определению предмета юридической психологии, включающей в себя якобы психологию и юриспруденцию без раскрытия этой взаимосвязи, О. Д. Ситковская подчеркивает, что «...мысль о двойной (двуединой) природе юридической психологии представляется не соответствующей положениям науковедения. Утверждение же о том, что юридическая психология представляет собой некий “гибрид”, входящий одновременно в систему и правового и психологического знания, противоречит логике определения предмета отрасли (подотрасли) научного знания»².

Очевидно, что проблема интеграции знаний тесно связана с вопросом о дифференциации науки психологии. Б. Ф. Ломов по этому поводу писал, что одной из характерных тенденций современного этапа развития психологической науки является ее все-

¹ Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А. М. Столяренко. Москва, 2003. С. 30.

² Ситковская О. Д. Конвергенция юридической психологии и правовой науки // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 2 (34). С. 57.

возрастающая дифференциация. В психологии можно насчитать более тридцати самостоятельных областей и направлений, и данная дифференциация возможно будет продолжаться. Несмотря на все опасения о разрыве единой науки и превращении ее во множество мелких, не связанных между собой направлений, Б. Ф. Ломов тем не менее указывал на объективную необходимость дифференциации психологической науки, вызванную потребностями жизни и общественной практики. Дифференциация является непременным условием углубленного изучения выбранной части (или аспекта) изучаемой системы явлений; благодаря дифференциации психологической науки вычлняются все новые и новые стороны психики, раскрываются многообразие и многокачественность ее проявлений¹.

Дифференциация и интеграция являются двумя сторонами одного процесса развития науки. Известно, что с психологией в части связей с другими науками не может сравниться ни одна область научного знания. Психология связана с биологией, физикой, химией, социологией, политологией, лингвистикой и даже техническими науками. «Иногда это создает впечатление невероятной раздробленности психологии, – писал Б. Ф. Ломов, – и порождает... пессимистические прогнозы о возможности ее развития как внутренне связанной области научного знания»². Таким образом, как и юридическая психология, ее «материнская» наука психология переживает тот же кризис интеграции в связи с процессами дифференциации, так же ставит перед собой проблему предмета и места в системе научных знаний о человеке.

Б. Ф. Ломовым был сформулирован основной принцип интеграции в психологической науке. Под интеграцией ученый полагал раскрытие в массе специальных описаний, сложившихся в разных психологических дисциплинах и нередко противоречащих друг другу, того главного, общего и существенного в психологических явлениях, что так или иначе проявляется при любом специальном подходе. «Она, во всяком случае, не должна терять своей основной задачи: изучения природы психики, ее механизмов и управляющих ею закономерностей... В конце концов, именно этой задачей объединены все области психологической науки: психофизика и психофизиология, социальная, инженерная и юридическая психология,

¹ Ломов Б. Ф. Системность в психологии // Избранные психологические труды / под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. Москва, 2003. С. 26–27.

² Там же. С. 30.

психология труда и психолингвистика и т. д. Каждая из них раскрывает особые грани, стороны, качества явлений одной природы (психических явлений) и вносит свой специфический вклад в изучение сущности этих явлений. Обеспечивает возможность раскрыть единство в многообразии, общее – в единичном, устойчивое – в изменчивом, существенное – в явлении, необходимое – в случайном. Каждая из них, таким образом, идет от изучения особенного к пониманию общего и вместе с тем раскрывает, как общее проявляется в особенном»¹.

Из вышесказанного следует, что при современной дифференциации наук, как отмечал Б. Г. Ананьев, точное определение предмета каждой из них имеет особенно большое значение².

1.2. Место и роль прикладной юридической психологии в системе научного знания и юридической практики

В современных научных исследованиях отмечается, что юридическая психология, как и многие другие отрасли психологии, прошла длительный процесс развития от умозрительных идей до научно-экспериментальных исследований³. Продолжая отстаивать статус самостоятельности и относясь к наиболее интенсивно развивающимся отраслям психологической науки, она между тем обобщенного теоретико-методологического обоснования не имеет⁴. В. М. Поздняков пишет, что в монографиях, посвященных ключевым юридико-психологическим феноменам, критикуется состояние современной юридической психологии⁵.

Раскрывая проблему предмета юридической психологии, А. Р. Ратинов писал, что применение психологических знаний в той или иной сфере еще не создает самостоятельной науки. Как самостоятельное направление психологических исследований юридическая психология предполагает исследование психических явлений и механизмов, отталкивающееся от правовой действительности, выявление их своеобразия и особенностей, проявляющихся в дан-

¹ Там же. С. 31, 108.

² Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. Санкт-Петербург, 2016. С. 71.

³ Ильина В. А. К вопросу о предмете юридической психологии // Психология и право. 2018. Т. 8. № 2. С. 89–100.

⁴ Чернышева Е. В., Багаутдинова В. Р. Развитие юридической психологии в России в XXI веке // Вестник Гуманитарного университета. 2016. № 1 (12). С. 56.

⁵ Поздняков В. М. Психологическая юриспруденция как междисциплинарная наука и область психопрактики // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 207.

ной области общественной практики¹. «Важно учитывать и то, что право на самостоятельное существование в качестве науки приобретает лишь та система знаний, которая имеет своим содержанием специфические, одной ей присущие закономерности»².

Данный вывод постулируется и в теоретической психологии. «Главная задача всякой теории, – пишет В. Д. Балин, – вскрыть основные специфические закономерности изучаемых явлений»³. В свою очередь понятие «закономерность» употребляется для обозначения начального этапа познания законов, а также для обозначения совокупности законов данной области явлений, для выражения их целостности и единства.

Когда же речь идет о законе, то имеются в виду объективно существующие связи, отношения между теми или иными явлениями. «Закон есть отношение», – писал В. И. Ленин⁴.

Между тем возникает вопрос о том, что мы понимаем под явлениями и закономерностями, относящимися к сфере исследования юридической психологии. В каких явлениях юридический психолог должен искать закономерности и объяснять их механизмы?

В широком смысле под явлением понимается вообще всякое обнаруживаемое проявление чего-нибудь. Так, говорят о физическом явлении, явлении природы, социальном явлении. О явлении говорят также как странном и загадочном событии или случае⁵. В. И. Ленин писал о явлении как «...ближайшим образом сущности в своем существовании <...> Явление есть единство видимости и существования»⁶. В философском аспекте под явлением понимается вообще все, что чувственно воспринимаемо, особенно бросающееся в каком-то отношении в глаза. С точки зрения теории познания явление есть выражение, свидетельство чего-то другого. По Канту, это «вещь-в-себе». Явление сущих в себе вещей на психофизическом уровне есть не что иное, как само познание, рассматриваемое в плане объекта: «Я познаю нечто» и «нечто является мне»⁷.

¹ Ратинов А. Р. Избранные труды / сост. М. В. Кроз, Н. А. Ратинова. Москва, 2016. С. 46.

² Там же. С. 12–13.

³ Балин В. Д. Теоретическая психология: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2017. С. 19.

⁴ Ленин В. И. Философские тетради: в 29 т. Москва, 1973. Т. 29. С. 138.

⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Ин-т русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва, 1999. С. 916.

⁶ Ленин В. И. Философские тетради: в 29 т. Москва, 1973. Т. 29. С. 135.

⁷ Философский энциклопедический словарь. Москва, 1998. С. 554.

Явление в психологии – это, прежде всего, психическое явление. Под ним понимается форма проявления психического как природного феномена. Обычно это процессы, состояния, свойства, функции, поведение и т. п. В данном случае говорят о формах, механизмах, функциях тех или иных психических явлений. Следует, однако, особо заметить, что при работе с литературой, по мнению теоретиков психологии, важно в первую очередь выяснить, имеем ли мы дело с явлениями или с категориями. Рассматривать понятия «категория» и «психическое явление» как синонимы нельзя. Категория – предельно широкое понятие, в котором отобразены наиболее общие существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений объективного мира. Предмет психологии, таким образом, имеет двойное значение: с одной стороны, психология изучает психические явления как инструмент адаптации, а с другой – категории как инструмент познания¹. Из этого следует, что само психологическое явление с позиции познания мы можем рассматривать как психологическую категорию, что позволяет выделять в явлении существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов. Вопрос между тем в другом: всякое ли наблюдаемое психологическое (психическое) явление может являться научной категорией, войти в категориальный аппарат науки?

Явлений, с которыми юридическая психология имеет дело, достаточно много. Например, такое явление, как терроризм, изучается в юридической психологии с акцентом на личности террориста, его противоправной деятельности, а также тактике расследования данной категории преступлений. Однако навряд ли мы можем назвать терроризм психологическим явлением. Данное явление может быть правовым (то есть имеет правовые последствия), социальным или политическим, но никак не психологическим. Очевидно, что психологизировать терроризм по меньшей мере будет необоснованно.

Кроме того, важно понимать, что одним явлением может «управлять» несколько законов. «Закон беднее явления», – пишет В. Д. Балин². Очевидно, что в таком явлении, как терроризм, может быть найдена не одна закономерность. К примеру, криминология как правовая область знания достоверно установила наличие устойчивой связи терроризма с внешней и внутренней политикой госу-

¹ Балин В. Д. Теоретическая психология: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2017. С. 24, 34.

² Там же. С. 19.

дарства. В данном явлении имеет место и психологическая закономерность, выраженная в связи терроризма с личностью террориста, проявляющаяся, в частности, в «деструктивной самореализации» преступника¹. В свою очередь, деструктивная самореализация, раскрытая в рамках общей психологии², рассматривается как самостоятельное психологическое явление. Данному явлению в психологии дано объяснение, раскрыты его механизмы. Таким образом, между такими явлениями, как терроризм и деструктивная самореализация личности, найдена связь (отношение), и если данная связь в исследованиях покажет свою устойчивость, повторяемость, то по праву будет считаться закономерностью (законом).

Это важное замечание касается прежде всего методологических принципов науки: далеко не всякую связь, не любое отношение можно рассматривать как закон. К закономерным относятся только те, в которых проявляется сущность явлений. «Закон есть существенное явление», – писал В. И. Ленин. «Закон и сущность – понятия однородные (однопорядковые)». Закон есть «отношение сущностей или между сущностями». Познать отношение сущностей – это значит раскрыть в массе единичных, кажущихся случайными явлений общее и необходимое. Научное познание и состоит в раскрытии устойчивых, повторяющихся связей, отношений между явлениями³.

Познанный закон, отмечает Б. Ф. Ломов, позволяет предсказывать путем строгих логических рассуждений и расчетов тенденции развития тех или иных явлений и на этой основе находить пути решения практических задач⁴.

Из вышесказанного следует, что закономерности, позволяющие считаться научной отраслью самостоятельной, важно искать между правовыми и психологическими явлениями, а под предметом юридической психологии понимать закономерности, возникающие между правовыми и психологическими явлениями, а также психологические механизмы образования новых явлений в сфере отношений, регулируемых правом.

¹ *Васильев В. Л.* Юридическая психология: учебник для вузов. 5-е изд., доп. и перераб. Санкт-Петербург, 2005. С. 381.

² *Орел А. А.* Психологические ресурсы самореализации личности в пространстве профессионального бытия: автореф. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2011. 24 с.

³ *Ленин В. И.* Философские тетради: в 29 т. Москва, 1973. Т. 29. С. 136–138.

⁴ *Ломов Б. Ф.* Системность в психологии // Избранные психологические труды / под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. Москва, 2003. С. 103.

Вопрос о новых знаниях, полученных в рамках юридической психологии, – это и есть вопрос об открытии новых явлений в сфере отношений, регулируемых правом с описанием их закономерностей и механизмов. Однако, что считать новым знанием или открытым явлением? Может ли в таком случае найденная закономерность между двумя явлениями – правовыми и психологическими – создать новое явление? На примере того же терроризма сегодня можно говорить о таком явлении, как личность террориста. Данное явление существует как категория юридической психологии, оно имеет свое понятие, в котором отражены наиболее общие и существенные свойства и признаки. На метапсихологическом уровне категорий¹, который связывает психологию со смежными науками, этой категорией является «личность». Категория же «личность террориста» – это уже частная психологическая категория, разрабатываемая в юридической психологии.

Следует отметить, что с аналогичными проблемами при формулировке своих предметов сталкивается целый ряд других отраслей психологического знания (социальная психология, организационная психология и психология управления, политология и т. п.).

Заметим, что применительно к юридической психологии речь идет не об отдельных направлениях психологического и юридического анализа в соответствии со сложившимися в этих науках принципами и методами, а об одновременном анализе. Иными словами, чисто правовой анализ, равно как и сугубо психологический, ни в каких обособленных своих «частях» не является адекватным для юридической психологии. Если, конечно, такой подход к построению ее предмета будет принят в качестве методологически исходного. Следовательно, можно считать методологически некорректным любой правовой анализ, если в нем одновременно не присутствует собственно психологический. Более того, психологическая составляющая мышления в процессе правотворчества имеет как бы двойное бытие – с точки зрения учета адресата конструируемой нормы права (юридическая антропология) и как реально текущий психический процесс, включая рефлексивный анализ тех или иных его сторон.

Совместно с моралью, религией, идеологией и политикой институт права задает общественные ориентиры, идеалы, обеспечивающие ролевое и ценностное единство социума. Названные дилеммы психологической и юридической мысли пронизывают историю

¹ *Балин В. Д.* Теоретическая психология: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2017. С. 23–24.

их отношений и продолжают задавать познавательный коридор развития предмета юридической психологии. В условиях нарастающей либерализации и гуманизации правоохранительных институтов право только так может сохранить за собой функции регулирования допустимого поведения субъекта, не ограничивая при этом его возможности самостоятельно принимать решение. Где кончается легитимное действие права, там открывается пространство для этики – этической регуляции и саморегуляции поведения гражданина. Именно этика сегодня поднимается до уровня метатеории, в рамках которой осуществляются попытки дать ответ на самые животрепещущие вопросы человеческого бытия¹.

Таким образом, предельное усложнение социального порядка, переориентация права и правовой регуляции на приоритетную защиту прав и свобод субъекта с опорой на достижения психологической науки и этики заметно усиливают актуальность проблемы выявления особенностей механизмов, факторов, форм и научного инструментария, источников и причин самоусиления тенденции к психологизации современного юридического дискурса. Выбор феномена дискурсивности не случаен, так как дискурс – это следствие процесса отношений теории (рефлексии) и практики, выход за пределы имеющихся знаний в целях обнаружения причин их возникновения и способов производства этих знаний². При этом основным методом познания способов производства психологического и юридического знания У. Куайном выбран метод экспликации наиболее развитых форм научного познания – результатов диссертационных исследований, монографий и научных статей. В то же время метод экспликации предполагает теоретическое преобразование объектов наших представлений в целях «упрощения» его описания и толкования³.

На фоне усиления тенденции к дифференциации психологической науки, расширения проблемных областей права становится еще труднее осуществлять синтез знаний о субъектах правовых отношений.

¹ Чимаров С. Ю., Алексеев А. А. Деонтологические основы служебной дисциплины полиции государств африканского региона: монография. Санкт-Петербург, 2021; Молчанов С. В. Мораль справедливости и мораль заботы: зарубежные и отечественные подходы к моральному развитию // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2011. № 2; Шаранов Ю. А., Боброва И. А., Ситников В. Л. Психологические особенности деонтологического регулирования поведения сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26. № 2 (85).

² Петряков Л. Д. Дискурсивная реальность как объект философского анализа: онтологический и гносеологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2014.

³ Куайн У. Слово и объект. Москва, 2000.

Избыточная психологизация правосудия, впрочем, как и юридикация, может служить источником для произвольных решений и формальных псевдососнований. Так или иначе принятый закон кажется неэффективным¹.

Вместе с тем тенденция к психологизации в настоящее время объясняется возрастанием в обществе количества неравновесных, слабоструктурированных творческих проблем, которые не входят исключительно в сферу воздействия категории «правовая система», не поддаются однозначной формулировке и не могут быть решены вне системного подхода. В условиях самоорганизации правофункционирования социального порядка наблюдается динамизм, возрастает значение творческого начала в деятельности членов общества. При этом само творчество приобретает свойства синергии, так как во многом выступает результатом синтеза хаоса и порядка. Отсюда субъект права – законодатель или правоприменитель – должен в равной мере обладать высокой психологической готовностью к адекватному самоопределению и самоорганизации в ситуациях творческой неопределенности.

Как подчеркивает В. М. Поздняков, в России все чаще стали издаваться монографии юристов по ключевым юридико-психологическим явлениям, в диссертациях при формулировании положений на защиту критикуется «вестернизация» отечественного законодательства и отстаиваются психологизированные позиции. В то же время психологические реалии учитываются фрагментарно. В. М. Поздняков считает, что подобное положение дел вызвано недостаточным уровнем развития психологической культуры у юристов². Вместе с тем отечественными юристами в последние годы издан ряд монографий, в которых критикуется и состояние современной юридической психологии. Так, В. В. Сорокин указывает: «На сегодняшний день юридическая психология как таковая отсутствует. А то, что принято называть юридической психологией, сведено к факультативной части криминалистики»³. В. М. Поздняков вынужден констатировать, что главная причина указанного в том, что «пока нет полноценного научного диалога между психологами и юристами»⁴.

¹ *Шувалов И. И.* Правотворчество в механизме управления обществом: необходимость комплексного исследования. Москва, 2006. С. 41.

² *Поздняков В. М.* Психологическая юриспруденция как область интересов юристов и психологов // Психология и юриспруденция в динамично изменяющемся мире: сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва, 19 сентября 2012 г.). Москва, 2012. С. 307–316.

³ *Сорокин В. В.* Правовая психология: вопросы общей теории права: монография. Москва, 2015. С. 4.

⁴ *Поздняков В. М.* Психологическая юриспруденция как междисциплинарная наука и область психопрактики // Психология и право. 2017. № 1 (7). С. 209.

По мнению психологов и юристов, психологизация права носит закономерный характер, так как совершенствование правового механизма регуляции правоприменительной деятельности не может быть полноценным без психологической составляющей. Правовая реальность, как ее понимают юристы¹, опосредуется системой психологических состояний, отношений, образов мира и поведения людей в разнообразных контекстах социальных процессов. Вместе с тем в современной правовой науке на фоне признания очевидной неспособности социологического подхода дать ответ на все существующие в обществе вызовы еще не сложилась стойкая тенденция к системному обращению юристов к достижениям современной юридической психологии.

В настоящий период приходится по-новому истолковывать существо современного права и юридической психологии: обе дисциплины допускают интерпретативное начало в познании. В эпоху постмодерна, когда границы между правомерным и противоправным релятивны и когда духовно-нравственные основания права вместо того, чтобы обеспечивать безальтернативное различие добра и зла, бесконечно продуцируют множество различных смыслов, интерпретативный тип познания становится наиболее востребованным.

Психологическая устойчивость общества к воздействиям криминального мира во многом определяется именно характером и направленностью процессов психологизации и юридизации правовой системы государства. Под юридизацией понимается нормирование общественной жизни с помощью специальных правил, а именно юридического права, исходящего от государства. Тогда как смысл психологизации заключается в системном применении психологических технологий в юридической деятельности, с тем чтобы успевать за «системной динамикой общественного развития».

¹ Оль П. А. Правовая реальность: формально-содержательный анализ: монография / под ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова. Санкт-Петербург, 2005.

Глава 2. Категориальный аппарат прикладной юридической психологии в деятельности руководителя органов внутренних дел Российской Федерации

2.1. Психологическое содержание понятий и категорий прикладной юридической психологии в деятельности руководителя органов внутренних дел Российской Федерации

Следует критично отметить, что до настоящего времени недостаточно активно развивается такой раздел юридической психологии, как правовая психология. Однако именно ее наработки важны для других разделов и направлений данной науки, а также для мониторинга становления и развития в российском обществе правовой культуры и правосознания, формирования у сотрудников правоохранительных органов корпоративно-профессиональной ментальности и юридико-психологической компетенции. Кроме того, отсутствие исследований по понятийно-категориальному аппарату юридической психологии (причем одновременно используемому и юристами, и психологами) ограничивает участие специалистов-психологов в проведении комплексной экспертизы законов и нормативных правовых актов¹.

Исследуемые объекты прикладной юридической психологии как отрасли общей психологии являются сложными системными образованиями, состоящими из множества свойств и признаков, имеющих иерархически упорядоченную структуру (например, личность человека и его поведение, психическое состояние и юридически значимая ситуация), которые различаются по степени интегративности и их доступности для выявления и познания различными методами и средствами науки. Для юридической психологии и экспертной деятельности, в частности в исследовании индивидуальности объекта, важна не столько диагностика индивидуальных свойств как таковых, сколько их проявление в конкретный момент и в определенной ситуации, значимой для права.

¹ Поздняков В. М. Юридическая психология: генезис и перспективы // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 33.

Для раскрытия проблемы содержания категориального аппарата прикладной юридической психологии и его «психотехнической основы» мы будем учитывать три положения, отмеченные Ф. С. Сафуановым¹ и значимые для повышения «корпоративно-профессиональной ментальности и юридико-психологической компетенции»² руководителей органов внутренних дел:

1) прикладная юридическая психология имеет специальную методологию исследования юридико-психологических особенностей психической деятельности, юридически значимых и влекущих за собой определенные правовые последствия;

2) специальный субъект и объект познания, регламентированный законодательными и ведомственными подзаконными актами, нормативными требованиями, жестко сопряженными с правом;

3) исследования психической деятельности специальными субъектами основано на специальных знаниях прикладной юридической психологии.

Категориальный аппарат специальных знаний наиболее полно разработан в судебно-психологической экспертологии³.

Вследствие ограниченности объема учебно-методического пособия мы дадим лишь минимально необходимую часть категориального аппарата прикладной юридической психологии для повышения психологической компетентности руководителей органов внутренних дел и на конкретных примерах проиллюстрируем содержание, формы использования специальных психологических знаний и их прикладное значение для управленческой деятельности.

¹ Сафуанов Ф. С. Существует ли специальная методология юридической психологии? Приглашение к дискуссии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 8.

² Поздняков В. М. Юридическая психология: генезис и перспективы // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 33.

³ Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: научно-практическое пособие. Москва, 1998; Сафуанов Ф. С. Клиническая психология в экспертной практике: учебно-методическое пособие. Москва, 2002; Сафуанов Ф. С. Психология криминальной агрессии: монография. Москва, 2003; Сафуанов Ф. С. Практикум по судебно-психологической экспертизе. Москва, 2007; Медицинская и судебная психология: курс лекций / под ред. Т. Б. Дмитриевой, Ф. С. Сафуанова. Москва, 2004; Сафуанов Ф. С., Харитонова Н. К., Русаковская О. А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. Москва, 2011; Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы: хрестоматия / авторы-сост. Ф. С. Сафуанов, Е. В. Макушкин. Москва, 2013; Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. Москва, 2014; Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2019; Сафуанов Ф. С. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. 3-е изд. Москва, 2016.

Минимальный необходимый категориально-понятийный аппарат для руководителей ОВД в использовании специальных психологических знаний прикладной юридической психологии и ее междисциплинарной области – судебно-психологической экспертологии – включает в себя следующие понятия:

– *объект исследования* – психическая деятельность подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях;

– *предмет исследования* – фактические данные о закономерностях и особенностях протекания и структуры психической деятельности человека, имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия, устанавливаемые с помощью специальных знаний и практических навыков эксперта в области психологии путем исследования объектов, представленных на исследование;

– *специальные психологические знания* – психологические знания о закономерностях и особенностях протекания психической деятельности человека, имеющих юридическое значение¹; это не просто знания области научной психологии, они являются специальными применительно к целям юридической деятельности²;

– *юридически значимая ситуация* – юридически значимый период времени, в котором протекает подвергаемая экспертному исследованию психическая деятельность подэкспертного лица. Юридически значимым периодом времени в уголовном процессе являются предкриминальная, криминальная, посткриминальная, следственная, судебная ситуации; в гражданском процессе – досудебная, судебная, постсудебная³.

Юридически значимая ситуация – это периоды времени, в которых разворачивается та или иная психическая деятельность лица, оцениваемая с позиции разных юридических критериев. При оценке юридически значимой ситуации необходимо учитывать ее двойственный характер: первично она дана «в своем независимом существовании, как подчиняющая себе и преобразующая деятельность субъекта», вторично – как образ ситуации, «как продукт психического отражения ее свойств»⁴;

¹ ГОСТ Р 57344-2016 «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения».

² Сафуанов Ф.С. Существует ли специальная методология юридической психологии? Приглашение к дискуссии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 8.

³ ГОСТ Р 57344-2016 «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения».

⁴ Метелев А. В. Хомяков Э. Г. О состоянии дел и проблемах терминологических стандартов в судебной экспертизе // Вестник Удмуртского государственного университета. 2019. Т. 29. Вып. 6. С. 904–910.

– *психолого-релевантная ситуация* – ситуация, требующая использования специальных психологических знаний при оценке феноменов и явлений, имеющих психологическую природу;

– *границы компетенции использования специальных психологических знаний* определяют объектом и предметом исследования в юридически значимой ситуации, а также профессиональной компетенцией психолога как специалиста или эксперта. В судебной психологической экспертизе они очерчены, как правило, обстоятельствами, установленными в ходе следствия, и квалифицированы по соответствующей статье административного, гражданского, уголовного законодательства.

В содержание специальных психологических знаний психолога-эксперта входят:

- 1) исследование способности субъекта осознавать значение своих действий и руководить ими в ситуации преступления;
- 2) цели и мотивы инкриминируемых поступков;
- 3) особенности психического состояния;
- 4) психологические свойства личности и их конкретное проявление в ситуации юридически значимой ситуации (инкриминируемого деяния).

Кроме того, когда объектом исследования являются материалы уголовного дела, эксперт-психолог обязан исследовать фактические данные, зафиксированные в деле:

- а) об особенностях психического развития субъекта;
- б) устойчивых индивидуально-психологических особенностях;
- в) психическом состоянии в юридически значимой ситуации;
- г) структуре отражения и осознания юридически значимой ситуации и регуляции своего поведения в ней;
- д) динамике развития самой ситуации;
- е) взаимодействии субъекта с юридически значимой ситуацией, проявившейся в его поведении.

Экспертная психологическая оценка, независимо от предметного вида судебно-психологической экспертизы, устанавливает взаимосвязи между четырьмя объектами экспертизы, а именно личностью, психическим состоянием, криминальной ситуацией и поведением подэкспертного лица в конкретной криминальной ситуации.

Эксперт должен проводить полное, насколько это позволяет уровень представляемой им науки и объем доступных ему методических средств, исследование, включающее их анализ, сопостави-

тельную и синтезирующую профессиональную оценку. Поэтому в своем исследовании эксперт должен продвигаться настолько далеко, насколько это допускают границы его профессиональных познаний, и указывать на те причины, которые, несмотря на все его усилия, препятствуют достижению категоричного вывода.

В прикладной юридической психологии и экспертологической практике использование специальных психологических знаний может применяться в форме специальных знаний специалиста-психолога. То есть руководитель ОВД, например при оценке качества заключений судебно-психологической экспертизы или сравнительном анализе экспертных заключений (в том числе и комплексных видов), должен различать юридическую и научно-фактическую оценку экспертного заключения.

При научно-фактической оценке необходимо проверить:

- соответствуют ли избранные методы психодиагностического исследования предмету исследования (фактическим данным, раскрывающим закономерности и особенности протекания и структуры психической деятельности человека), позволяют ли они выявить экспертные критерии оценки особенностей психической деятельности, имеющих юридическое значение и влекущих определенные правовые последствия;

- достаточность отобранного экспертом материала (объектов, представленных на исследование), информации об объектах, соответствие их содержания информации, необходимой для формулировки рабочих гипотез, и ответа на поставленные вопросы;

- корреспондируют ли выводы в заключении с поставленными перед экспертами вопросами и содержательной частью исследования;

- достаточность приведенной аргументации, наглядность выводов и их соответствие исследовательской части заключения.

Всякая судебная экспертиза есть прикладное исследование конкретного объекта в целях достижения не собственно научного, а прикладного знания. Характерной особенностью такого исследования является применение особых специализированных методик, отвечающих требованию проверяемости. Поэтому любая экспертиза имеет свой определенный регламент, порядок осуществления, предопределяемый спецификой предмета экспертизы и сферой применения специальных знаний, и должна удовлетворять научно обоснованным требованиям.

Как отмечает Ф. С. Сафуанов, повышенная ответственность за правовые решения, юридически значимые последствия и, соот-

ответственно, за психологическое обоснование этих решений, предъявляет особые требования к эмпирической (диагностической и прогностической) валидности и надежности. Как показывает опыт, в практике комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы может применяться достаточно ограниченный круг опросников, проективных методов. Многие методики, хотя и описаны в научной литературе как валидные и надежные, в экспертной практике мало применимы. Надежность теста – понятие, отражающее точность психодиагностического исследования и устойчивость результатов к воздействию посторонних факторов¹.

Признаки достоверности заключения эксперта включают в себя:

- обоснованность заключения эксперта – это его аргументированность, убедительность;

- научную обоснованность – заключение составлено в соответствии требованиями методологии научного исследования, предъявляемыми к качеству и структуре заключения как экспериментально-психологическому исследованию, а именно, само исследование состоит из нескольких этапов, включающих определение экспертной задачи, формулирование основной и альтернативной гипотезы, выбор конкретных методик, их применение к объекту исследования, получение промежуточных результатов, на основе которых затем формулируется экспертный вывод;

- всесторонность – исследование всех свойств, качеств и признаков материалов, их связей, отношений и зависимостей;

- полноту – совокупность свойств представленных материалов, которая позволяет полно и объективно ответить на поставленные вопросы, выяснить обстоятельства, которые имеют значение для дела, для раскрытия объективной и субъективной стороны преступления;

- мотивированность – наличие рациональных объяснений о причинах выводов на поставленные вопросы;

- объективность предполагает, что эксперт должен учитывать все факторы, а также использовать рекомендованные современной наукой и экспертной практикой методики. Объективность эксперта сама по себе подразумевает проведение исследования на строго научной и практической основе; применение научно-обоснованной и практически апробированной методики; проведение конкретных

¹ Сафуанов Ф. С. Существует ли специальная методология юридической психологии? Приглашение к дискуссии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 8.

практических действий, основанных на теоретических знаниях, по исследованию представленных на экспертизу материалов, качества материалов;

– убедительность – аргументы, раскрывающие использование общих положений определенной науки. Убедительность заключения эксперта включает такое свойство как непротиворечивость выводов эксперта или комиссии экспертов с другими доказательствами. Исключены неясные и неточные суждения, противоречивые выводы и гипотетические варианты; заключение содержит четкие ответы на поставленные перед экспертом вопросы; выводы эксперта вытекают из исследованных обстоятельств.

Требования к заключению эксперта-психолога (юридический подход).

Согласно ст. 4 «Принципы государственной судебно-экспертной деятельности» Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон № 73-ФЗ) государственная судебно-экспертная деятельность основывается на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники.

В соответствии с положениями ст. 8 «Объективность, всесторонность и полнота исследований» Федерального закона № 73-ФЗ эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

На основании ст. 16 «Обязанности эксперта» Федерального закона № 73-ФЗ эксперт среди прочего обязан провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам.

Согласно положениям ст. 25 «Заключение эксперта или комиссии экспертов и его содержание» Федерального закона

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 31 мая 2012 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

№ 73-ФЗ, а также в соответствии с положениями ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) заключение эксперта должно отвечать следующим требованиям и в нем должны быть отражены:

- время и место производства судебной экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы;
- сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;
- сведения о государственном судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;
- предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;
- оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

Технология производства прикладного юридико-психологического исследования (при судебной экспертной оценке).

Общая структура и этапы проведения (психотехнический подход).

I. Этап назначения:

1. Выявляются основания и поводы назначения.
2. Определяется объект экспертизы.
3. Форма постановления (предметный вид экспертизы).

II. Этап планирования и организации:

1. Уяснение фабулы юридически значимой ситуации.
2. Определение предмета и границ компетенции экспертного исследования.
3. Уточнение, при необходимости – определение, формулировка задач исследования.
4. Выдвижение рабочих гипотез (основной и альтернативной).

5. Выбор места и времени производства экспертного исследования.

6. Выбор методов судебно-психологической экспертизы.

III. Этап производства судебно-психологической экспертизы:

1. Сбор информации о субъективной стороне правонарушения (инкриминируемого деяния) и уточнение вопросов, выносимых на экспертизу.

2. Психодиагностическое исследование объектов психологической экспертизы.

3. Психодиагностическое исследование индивидуально-психологических особенностей личности подэкспертного, проявившихся в юридически значимых обстоятельствах дела.

4. Исследование юридически значимых психолого-релевантных ситуаций в обстоятельствах дела, способствующих установлению значимых фактических данных, раскрывающих предмет экспертизы.

IV. Этап формулировки промежуточных выводов психологической экспертизы по результатам психологического исследования.

V. Этап составления заключения психологической экспертизы с формулировкой юридически значимых экспертных выводов.

2.2. Особенности психической деятельности, имеющие юридическое значение и влекущие за собой определенные правовые последствия

В качестве иллюстрации возможности использования специальных психологических знаний руководителем органа внутренних дел приведем исследовательскую часть из рецензии специалиста-психолога, данной на заключение первичной амбулаторной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, выполненной комиссией экспертов от 00.00.0000 № 25/а, проведенной в отношении сотрудника полиции 1984 г.р., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 291.2 и ст. 317 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), то есть в мелком взяточничестве и посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа, по уголовному делу № 00000000¹.

¹ В целях сохранения конфиденциальности информации личные данные фигурантов и экспертного учреждения изменены и удалены.

ВОПРОСЫ, ПОСТАВЛЕННЫЕ ПЕРЕД СПЕЦИАЛИСТОМ НА РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

1. Исходя из современных научных психологических познаний и судебно-экспертной практики производства судебно-психологических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз, отвечает ли требованиям полноты, всесторонности, достоверности и научной обоснованности в целях установления всех фактических обстоятельств, имеющих значение для дела, заключение комиссии экспертов в части экспериментально-психологического исследования, проведенного экспертом-психологом в отношении обвиняемого (фамилия, имя, отчество)?

2. Носят ли вопросы, поставленные перед комиссией экспертов, исчерпывающий характер для установления всех фактических обстоятельств, имеющих значение для дела?

3. Исходя из современных научных психологических познаний и экспертологической практики, имеются ли достаточные основания для производства дополнительной или повторной, комплексной либо однородной судебно-психологической экспертизы по уголовному делу № 00000000 в отношении обвиняемого (фамилия, имя, отчество)?

4. Если имеются, то, исходя из предоставленных для анализа документов, какие вопросы целесообразно вынести на производство дополнительной, повторной, комплексной либо однородной судебно-психологической экспертизы в отношении обвиняемого (фамилия, имя, отчество)?

ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ПОСТАВЛЕННЫМ ВОПРОСАМ

Психологический анализ материалов экспертного заключения показывает, что рецензируемое заключение комплексной судебной экспертизы в части экспериментально-психологического исследования, проведенного экспертом-психологом, не в полной мере соответствует установленным требованиям и проведено с нарушением методологии научного исследования, не выдержаны требования, предъявляемые к качеству и структуре заключения судебно-психиатрического, судебно-психологического и судебного комплексного исследования.

Так, само экспертное исследование состоит из нескольких этапов, включающих:

- определение экспертной задачи;
- формулирование основной и альтернативной гипотез;

– выбор конкретных методик, их применение к объекту исследования;

– получение промежуточных результатов, на основе которых затем формулируется экспертный вывод.

С точки зрения специальных знаний промежуточные результаты есть новые факты, добытые экспертом, анализ которых позволяет затем сформулировать окончательный вывод, являющийся ответом на поставленный в постановлении следователя вопрос и, соответственно, определяющий содержание заключения эксперта как судебного доказательства.

Именно вывод играет юридическую роль фактических данных. Очень важно, чтобы обобщающий вывод охватывал всю совокупность установленных новых фактов, добытых экспертом.

Психологический анализ п. 6 требований: «вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов» (согласно положениям ст. 25 «Заключение эксперта или комиссии экспертов и его содержание» Федерального закона № 73-ФЗ и ст. 204 УПК РФ).

Анализ вопросов, вынесенных в постановлении следователя на производство рецензируемой комплексной судебной экспертизы, показывает, что они не носят полного и исчерпывающего характера и не в полной мере удовлетворяют требованиям, предъявляемым к экспертному комплексному заключению, что является нарушением требований, предусмотренных Федеральным законом № 73-ФЗ и ст. 204 УПК РФ.

Во-первых, перечень вопросов, указанных в постановлении следователя для разрешения экспертами, не носит полного характера и не отражает психологическую природу исследования субъективной стороны составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 291.2 и ст. 317 УК РФ, о мелком взяточничестве и посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительных органов (нет ни одного вопроса в соответствии с предъявленным обвинением по ст. 291.2 УК РФ).

Во-вторых, вопросы не сгруппированы по объектам исследования, а также по эпизодам дела и версиям для формулирования экспертной задачи.

В-третьих, отсутствуют вопросы по исследованию экспертной оценки мотивов поведения обвиняемого и потерпевших в ситуации инкриминируемого деяния и обстоятельствах дела (например, носило ли поведение потерпевших провоцирующий агрессию обвиняемого характер?).

В-четвертых, отсутствуют вопросы об особенностях восприятия и субъективной оценки угрозы и опасности сложившейся

ситуации со стороны обвиняемого в ситуации психологического давления (моббинга и буллинга со стороны третьих лиц), носящей длительный психотравмирующий характер, описанный в исследовательской части заключения. Ниже мы рассмотрим более подробно объективные факторы психологического давления психотравмирующего характера.

В-пятых, вопросы сформулированы в общем виде, не способствуют полному и всестороннему раскрытию субъективной стороны состава преступления и установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 9 Федерального закона № 73-ФЗ).

Требования п. 7 ст. 204 УПК РФ обязывают эксперта описывать представленные ему на исследование материалы, включая количество томов и листов дела, что в дальнейшем позволяет оценить, все ли необходимые материалы представлены судом. От полноты представленных для анализа на судебную экспертизу материалов (объектов) зависит качество проведенного экспериментально-психологического исследования и достоверность выводов эксперта-психолога.

В судебной психологии объектами исследования служат источники информации о психической деятельности человека – результаты экспериментально-психологического обследования участников уголовного процесса (обвиняемого, потерпевшего, свидетелей), материалы уголовного дела, в том числе протоколы допросов, дневники, аудио-, видеозаписи, показания и самоотчеты, прочие документы, поддающиеся психолого-психиатрической экспертной оценке и имеющие уголовно- и психолого-релевантное значение. В данном случае требование к полноте объектов исследования не выполнено, а именно в заключении рецензируемой комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в части психологического исследования такие материалы (объекты) не описаны, за исключением показаний потерпевших и свидетелей и служебных характеристик обвиняемого, что вызывает у рецензента обоснованные сомнения в качестве исследования и достоверности экспертных выводов.

Для объективной психологической оценки очень важно не забывать, что и обвиняемый, и потерпевшие были сотрудниками полиции при исполнении своих служебных обязанностей. Само инкриминируемое сотруднику полиции деяние произошло в процессе служебной деятельности, в служебном помещении. По данному факту в обязательном порядке проводится служебное расследование (служебная проверка) сотрудниками полиции (л. 4 заключения).

Остается неясным вопрос: были ли представлены эксперту-психологу материалы служебной проверки по факту чрезвычайного происшествия, проведенной сотрудниками подразделения собственной безопасности МВД России, и каковы ее выводы?

По общему правилу материалы служебной проверки передаются в органы предварительного следствия и являются неотъемлемой частью материалов уголовного дела. Из исследовательской части заключения психолога на этот вопрос ответить не представляется возможным.

В социальной сети в Интернете размещена документальная видеозапись момента совершения преступления, снятая на веб-камеру в служебном кабинете обвиняемого. Из исследовательской части рецензируемого заключения, которая, кстати, лежит в основе достоверности выводов эксперта-психолога не ясно, содержится ли данная документальная запись в материалах уголовного дела; была ли она предоставлена эксперту для психологического анализа и оценки поведения участников инцидента.

С точки зрения рецензента, она имеет существенное значение для всесторонней, объективной и достоверной оценки ситуации инкриминируемого деяния в обстоятельствах дела и поведения ее участников, особенно при ответе психолога на 10 и 11 вопросы экспертизы.

Почему рецензент акцентирует на этом внимание? Во-первых, потому что данная экспертная ситуация носит специфичный характер и является как юридически, так и психологически сложной в силу специфики субъектов взаимодействия, которыми являются сотрудники правоохранительных органов. С методологической точки зрения они должны рассматриваться как субъекты профессиональной деятельности.

Во-вторых, в соответствии с требованиями п. 7 ст. 204 УПК РФ заключение эксперта и факты, положенные в его основу, не являются производными доказательствами. Доказательную ценность имеет не только психологический анализ уже собранного по делу материала, но и факты, установленные в результате самостоятельного экспертно-психологического исследования. Причем эти факты эксперт должен обнаружить в объектах, которые были предоставлены в его распоряжение для анализа. Подчеркнем, что к значимым объектам комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы относятся и подэкспертные лица (в данном случае – сотрудники полиции), являющиеся субъектами профессиональной деятельности, носителями фактической юридически значимой информации. Поэтому для всестороннего и достоверного психологического ана-

лиза личностных и индивидуально-психологических особенностей личности обвиняемого и вынесения решения о существенности/несущественности влияния индивидуально-психологических особенностей обвиняемого, отразившихся в материалах дела, необходимы следующие методологические положения.

Во-первых, все сотрудники полиции (в том числе и других силовых структур – ФСБ, МЧС, МО и т. д.) рассматриваются как специальные субъекты (субъекты профессиональной деятельности). В силу специфики их профессиональная деятельность регулируется не только общими законами, но и действующими специальными нормативными правовыми актами, распоряжениями и указаниями вышестоящего руководства.

Во-вторых, они являются непосредственными участниками специально организованной служебной (физической, огневой, боевой, морально-психологической) подготовки. В психологии известно, что целенаправленная, специально-организованная деятельность формирует определенные личностные и профессионально-служебные качества и навыки, которые в экстремальных, стрессовых, фрустрационных ситуациях профессиональной деятельности проявляются автоматически на уровне операциональной деятельности личностной или индивидуальной регуляции. Забегая вперед, отметим, что в качестве орудия преступления использовано табельное огнестрельное оружие. Возникает экспертный вопрос: выбор орудия преступления случаен или привычен и в какой мере осознан?

В-третьих, как потерпевшие, так и обвиняемый находились при исполнении служебных обязанностей сотрудников полиции и руководствовались в своем поведении нормативно-правовыми документами, регламентирующими их деятельность. Возникает следующий вопрос: каково субъективное восприятие конфликтной ситуации участниками взаимодействия? Не носило ли их поведение провокационный характер взаимодействия?

Из содержательной части рецензируемого заключения следует, что сама ситуация инкриминируемого деяния всеми субъектами (участниками) воспринималась по-разному. С точки зрения обвиняемого, как «провокация», «подстава», «довести до тюрьмы»; с точки зрения потерпевших, как оперативно-розыскные мероприятия «наблюдение», «контрольная закупка», «оперативный эксперимент»; с точки зрения эксперта-психолога, как ситуация «проверки», «обыска». У рецензента возникает закономерный вопрос: какую юридически релевантную ситуацию исследовали органы предварительного следствия (ч. 1 ст. 291.2 и ст. 317 УК РФ) и какую – эксперт-психолог?

Анализ исследовательской части рецензируемого заключения показывает, что при оценке индивидуально-психологических особенностей личности эксперт-психолог не учла то обстоятельство, что и обвиняемый, и потерпевшие являются сотрудниками полиции, и не исследовала две неразрывные, взаимосвязанные их стороны – профессиональную и личностную субъектность. В науке известен феномен профессиональной деформации. Профессиональная деформация (от лат. *deformatio* – искажение) – когнитивное искажение, психологическая дезориентация личности, формирующаяся из-за постоянного давления внешних и внутренних факторов профессиональной деятельности и приводящая к формированию специфически-профессионального типа личности.

Экспертная практика работы рецензента показывает, что лицам, не знакомым с особенностями профессиональной полицейской деятельности, бывает трудно ориентироваться в фактических данных, свидетельствующих о мотивах и чувствах, лежащих в основе девиантного поведения, а также аффектах, сопровождающих выполнение сотрудниками органов внутренних дел правоприменительных функций.

При судебной экспертной оценке эмоционального состояния в юридически значимой ситуации профессиональной деятельности психологу необходимо иметь высокий уровень профессиональной компетентности (специальных знаний), чтобы в процессе производства судебной психологической экспертизы выявить наличие объективных признаков, содержащихся в фактических данных и обстоятельствах расследуемого случая, оценить их субъективную сторону, например доказать наличие либо отсутствие признаков особого психического состояния, обусловленного длительной психотравмирующей ситуацией кумулятивного генеза.

Для этого необходимо достаточно полное освещение возможно большего числа субъективных отношений личности к себе, близким, окружающим, работе, досугу, содеянному и т. д. Следует обязательно отразить ценностные ориентации подэкспертного, показать то, ради чего он жил, что принимал или что отвергал в жизни, какие цели перед собой ставил, профессиональную направленность, отношение к своим служебным обязанностям, пути и способы их выполнения, а также механизм преодоления препятствий, на какие условия и жертвы был способен, какие средства при этом использовал.

К компетенции психолога в таких случаях относится изучение психологических обстоятельств, имеющих значение для установления истины:

– экстремальность ситуации (неожиданность, новизна, сложность);

– проявившиеся индивидуально-психологические особенности личности (интеллект; уровень общих и специальных знаний субъекта; степень сформированности, автоматизированности у него навыков и умений, эмоционально-волевые качества, уравновешенность, импульсивность; ведущие психологические мотивы поведения субъекта и мотивированность конкретных общественно опасных действий; особенности самосознания и самооценки, критичности, склонности к риску; индивидуальная устойчивость к эмоциогенным раздражителям);

– влияние утомления, соматических расстройств, стресса, аффекта на деятельность личности;

– влияние особенностей социальных контактов, взаимодействия в коллективе, конформности, дисциплинированности, агрессивности, самоуверенности, дефектов организации совместной деятельности и др.

В рецензируемом заключении такой методологически верный подход к исследованию индивидуально-психологических особенностей подэкспертного не реализован.

Мы можем с уверенностью констатировать, что не все источники информации, находящиеся в материалах уголовного дела, имеющие существенное значение для принятия экспертом достоверного вывода, были использованы.

Следует отметить, что закон позволяет рационально изменить объем экспертных исследований с целью более полного и точного решения экспертных задачи, устранения неопределенности выводов, уменьшения «информационного шума». В данном случае эксперт не воспользовался правом экспертной инициативы (п. 4 ч. 3 ст. 204 УПК РФ), несмотря на то, что поставленные следователем (не имеющим специальных психологических знаний) вопросы не раскрывают полного содержания субъективной стороны составов преступлений, очерченных ч. 1 ст. 291.2 и ст. 317 УК РФ.

Вышеназванные недостатки вызывают обоснованные сомнения рецензента в достоверности выводов на 10 и 11 вопросы экспертизы.

Как известно, результаты экспериментально-психологического исследования должны дать новую информацию о подэкспертном, помогать в выборе адекватной диагностической гипотезы и формировании экспертной оценки¹.

¹ *Ткаченко А. А.* Экспертное судебно-психиатрическое исследование: пособие для врачей. Москва, 2006. С. 8.

Аналитическая стадия экспертного исследования заключается в мысленном или практическом расчленении признаков (свойств) объектов экспертизы, раздельном изучении каждого объекта, его свойств с учетом закономерностей, открытых наукой, проводится с помощью комплекса методов, в частности инструментальных¹.

Согласно требованиям ст. 204 УПК РФ в заключении эксперта должны быть отражены методы и методики, которые применялись в процессе исследования. Психолог, выступая в качестве эксперта при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, обязан соблюдать эту норму закона. В случае же обычного психодиагностического исследования в рамках однородной судебно-психиатрической экспертизы целесообразно их указывать в тексте при изложении полученных результатов. Это поможет эксперту-психиатру, а впоследствии следствию и/или суду правильно оценить объем и направленность обследования (например, тщательность изучения когнитивной сферы у подэкспертного с подозрением на наличие процессуального заболевания).

Там же говорится, что заключение эксперта должно содержать подробное описание проведенного исследования (п. 3 ст. 204 УПК РФ требует: «Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта (фотографии, схемы, графики и т. п.), прилагаются к заключению и являются его составной частью»).

Качественный психологический анализ показывает, что в нарушение требований ст. 204 УПК РФ проведенное экспертом-психологом психологическое исследование не удовлетворяет требованиям логической развернутости и верификации (то есть дающим возможность его проверки другими специалистами). При этом важно, чтобы развернутость (степень детализации) была необходимой и достаточной для аргументов, на которых базируется вывод. В тексте рецензируемого заключения отсутствуют количественные и качественные показатели степени выраженности той или иной черты, личностного свойства или качества.

Проанализируем вывод эксперта-психолога о несущественности влияния индивидуально-психологических особенностей обвиняемого.

Вопрос: в каких случаях следует признавать такое влияние существенным?

Для ответа на вопрос обратимся к специальным знаниям и содержательно проанализируем 10 и 11 вопросы рецензируемого судебного заключения.

¹ Там же. С. 13.

С позиций судебно-психологической экспертизы индивидуально-психологические особенности обвиняемого оказывают существенное влияние на его поведение в том случае, когда они ограничивают его способность к смысловой оценке и волевому контролю своих противоправных поступков, то есть способность в полной мере осознавать значение своих действий или осуществлять их произвольную регуляцию и контроль в момент совершения инкриминируемых ему деяний.

С точки зрения Ф. С. Сафуанова, в экспертной практике существуют два подхода исследования индивидуально-психологических особенностей. Первый – описательный, то есть можно описать выявленные индивидуально-психологические качества по результатам психодиагностического исследования (минимального набора тестов, не отражающих всю сложность изучаемого феномена) без конкретного указания их степени выраженности и внутренней согласованности и взаимосвязи между собой, ситуацией и психическим состоянием, и затем их отразить в выводах экспертного заключения. Например, как это сделал эксперт-психолог, ограничившись указанием, что профиль ММРІ (Миннесотский многоаспектный личностный опросник) свидетельствует о выраженном стрессе и дезадаптации личности.

С точки зрения требований и задач, стоящих перед экспертным исследованием, подобный подход не приводит к сколько-нибудь значимым правовым последствиям, поскольку и так очевидно, что в любом поведенческом акте отражаются индивидуально-психологические особенности человека.

Второй подход является одним из самых сложных, требующим опыта производства экспертизы и умения применять индивидуальный подход, идиографический анализ каждого конкретного экспертного случая, поскольку, устанавливая снижение способности субъекта в полной мере осознавать и контролировать свои действия, эксперт-психолог отталкивается не столько от психодиагностики личности испытуемого, сколько от анализа взаимодействия личностных структур с ситуационными переменными.

С какими ситуационными переменными?

Во-первых, необходимо выявить субъективную значимость ситуации, степень ее новизны для испытуемого, силу ее фрустрирующего воздействия, особенности переработки ее информационных характеристик, возможности соотнесения требований ситуации с самооценкой человека, то есть индивидуальные особенности смыслового восприятия ситуации, понимания содержащихся в ней связей и отношений.

Во-вторых, нужно выявить способность человека к адекватному целеположению, выбору возможных вариантов действий, прогнозу их возможных последствий, степень опосредованности поступков, компенсаторные возможности, способность к коррекции и контролю на каждом этапе генеза поведения в анализируемой ситуации, то есть особенности регуляции поведения во время совершения преступления. Что является достаточно трудоемким и затратным механизмом как в интеллектуальном, энергетическом, физическом, психологическом, так и временном плане для эксперта. По общему правилу, при экспертном исследовании индивидуально-психологических особенностей испытуемого предмет и объем психодиагностической деятельности психолог определяет исходя из анализа фабулы каждого конкретного уголовного дела и представления о возможных механизмах мотивации правонарушения, совершенного подэкспертным лицом.

В любом случае эксперт должен проводить полное психодиагностическое и экспертное исследование индивидуально-психологических особенностей подэкспертного и меры их влияния на его поведение во время совершения инкриминируемых ему действий.

Как показывает наш анализ, в психологической части рецензируемого заключения лишь перечислены инструментальные методики (например, тест Розенцвейга, ММРП) без представления конкретных данных, по которым можно было бы судить о степени выраженности тех или иных личностных и индивидуально-психологических качеств обвиняемого.

Согласно требованиям ст. 204 УК РФ судебный эксперт должен отразить в своем заключении весь ход проведенного исследования с анализом полученных данных. Типичной экспертной ошибкой является формулирование выводов по поставленным эксперту вопросам без составления исследований, на основании которых получены данные выводы.

Ф. С. Сафуанов указывает, что игнорирование методологического принципа проведения психологического ретроспективного анализа с первостепенной опорой на материалы уголовного дела чревато риском неверного толкования феноменологии эмоционального состояния обвиняемого в экспертно значимый период времени, что, в свою очередь, ведет к ошибочному экспертному выводу и необходимости повторной экспертизы.

К сожалению рецензента, эксперт-психолог в данном случае выбрал первый, менее затратный путь, о чем свидетельствуют замечания, высказанные рецензентом, предъявляемые к качеству судебного экспериментально-психологического исследования.

С нашей точки зрения, имеются все основания для реализации второго подхода в исследовании рецензируемой ситуации инкриминируемого деяния.

Например, при анализе личностных и индивидуально-психологических особенностей по материалам экспертного заключения четко прослеживается два временных периода и две позиции сторон. Под сторонами мы понимаем всех участников, вовлеченных в расследование инкриминируемого деяния.

Первый период – до лета 2018 г.

Второй период – с лета 2018 г. по 18 сентября 2019 г.

Первая позиция свидетелей – со стороны семьи, коллег по работе, служебных психологических характеристик, результатов психодиагностических исследований, содержащихся в личном деле, – обвиняемый характеризуется исключительно положительно.

Из материалов дела (психологического исследования 10 ноября 2019 г.) известно: «...характеризовался такими личностными качествами как исполнительность, ответственность, аккуратность. Проявлял настойчивость в достижении цели, не испытывал трудностей в принятии решений. Был способен легко адаптироваться к новым условиям, однако ценил стабильность в жизни, был эмоционально устойчив. В меру общителен, коммуникативные навыки развиты хорошо.

К исполнению функциональных служебных обязанностей относился добросовестно, проявлял настойчивость в достижении поставленных целей и задач. По личным качествам был исполнитель, дисциплинирован, трудолюбив, отзывчив. На критику в свой адрес реагировал правильно, в быту вел себя скромно. С сотрудниками отдела поддерживал деловые взаимоотношения, был корректен, соблюдал субординацию. В коллективе заслужил авторитет. За время стажировки замечаний со стороны командного руководящего состава не имел» (л. 3 рецензируемого заключения).

Из служебной характеристики 2018 г.: «Зарекомендовал себя с положительной стороны как добросовестный и грамотный сотрудник. Нарушений служебной дисциплины и законности не допускал, к исполнению служебных обязанностей относился честно и добросовестно.

Вел борьбу с нарушителями общественного порядка и преступностью на вверенной территории, в сложной оперативной обстановке ориентировался уверенно, принимал правильные решения по ее нормализации. Свои служебные обязанности выполнял на профессиональном уровне. По характеру был спокоен и выдержан, психологически и морально устойчив. Внешне всегда опрятен, подтянут.

В коллективе пользовался уважением». Согласно психологическим характеристикам за 2012 г., 2014 г. и 2016 г. обвиняемый характеризовался такими личностными качествами, как аккуратность, исполнительность, самокритичность, оптимистичность, самостоятельность. Был общителен, коммуникативные навыки были развиты хорошо. Интеллектуальные способности среднего уровня, хорошо развиты логические и аналитические навыки. Занимал активную личностную позицию, был способен проявить настойчивость в достижении цели (л. 3 рецензируемого заключения).

Со слов подэкспертного, в 2016 г. он был избит на улице неизвестными, получил травму головы, по поводу чего обращался в травмпункт (л. 3 рецензируемого заключения).

Со слов матери, «...с детства проявлял себя как очень добрый, внимательный, неагрессивный человек, особенно чуткий к правде, справедливости. Работа в полиции ему нравилась, он подходил к ней очень ответственно» (л. 3 рецензируемого заключения).

Свидетель 1 – сожительница обвиняемого – сообщила, что проживала с подэкспертным с 2009 г., он был добрым, внимательным, порядочным, доброжелательным человеком. Он неконфликтный человек, однако очень остро реагировал на явную несправедливость, оскорбления, в такие моменты мог быть вспыльчив, начинал довольно эмоционально себя вести (л. 4 рецензируемого заключения).

Свидетельница 2 – коллега по работе – характеризует обвиняемого с положительной стороны, он ей казался всегда спокойным, общительным и неконфликтным человеком, имел нормальное чувство юмора (протокол допроса в качестве свидетеля от 18 сентября 2019 г., л. д. 67–70).

Свидетель 3 – коллега обвиняемого – характеризует обвиняемого с положительной стороны как спокойного и отзывчивого человека, в беседе он никогда не жаловался ни на условия несения службы, ни на свое руководство (протокол допроса в качестве свидетеля от 20 сентября 2019 г., л. д. 71–75).

Обобщая представленную информацию из рецензируемого заключения, констатируем, что в описании индивидуально-психологических особенностей обвиняемого прослеживается явная их трансформация с положительного полюса к отрицательному.

Так, до осени 2018 г. (момента начала психологического давления) обвиняемый обладал такими качествами, как коммуникабельность, неконфликтность, ответственность, аккуратность, исполнительность, самокритичность, оптимистичность, самостоятельность, настойчивость в достижении цели и принятии решений, эмоцио-

нальная стабильность и быстрая адаптация к новым условиям, адекватное реагирование на справедливую критику в свой адрес. Ценил стабильность в жизни. В сложной оперативной обстановке ориентировался уверенно, принимал правильные решения по ее нормализации. В ситуациях профессиональной служебной деятельности был спокоен и выдержан, психологически и морально устойчив. Всегда занимал активную личностную позицию. Со слов свидетелей, в стрессовых, конфликтных ситуациях проявлялись особая чувствительность к правде и справедливости, острое реагирование на явную несправедливость, оскорбления.

Второй период – с лета 2018 г. по 18 сентября 2019 г. и вторая позиция – характеризуются отрицательно.

Свидетель 4 характеризует обвиняемого как недобросовестного сотрудника, у которого отсутствовало желание работать, показатели его служебной деятельности были низкие. На критику в свой адрес он реагировал неправильно, должных выводов из замечаний руководства не делал. В совершении коррупционных правонарушений замечен не был, однако около года назад в отношении него сотрудниками подразделения собственной безопасности проводилась служебная проверка (л. 4 заключения).

В январе 2020 г. в процессе производства рецензируемой комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы и экспериментально-психологического исследования экспертом-психологом установлены следующие индивидуально-психологические особенности: «При исследовании личностной сферы обнаруживаются такие черты как: ориентация на собственные мотивы и потребности без учета интересов окружающих, субъективизм и категоричность суждений, обидчивость, эмоциональная неустойчивость, склонность к оппозиционности и внешнеобвиняющим реакциям, повышенная чувствительность к критическим замечаниям в свой адрес, недоверчивость, ожидание негативного отношения со стороны окружающих» (л. 11 рецензируемого заключения).

Чем же обусловлены такие изменения личности и оценки личности разными людьми и специалистами?

С точки зрения рецензента, с лета 2018 г. по 18 сентября 2019 г. обвиняемый находился в ситуации хронического стресса (фрустрации) (обозначим его как предкриминальный период), испытывал психологическое давление (моббинг и буллинг в служебной деятельности), которое с высокой долей вероятности трансформировало (акцентуировало, то есть заострило) его личностные и индивидуально-психологические особенности, детерминировало его поведение в ситуации инкриминируемого деяния. Другими словами, под

воздействием фрустрирующих факторов объективного характера акцентуировались такие индивидуально-психологические особенности личности, как особая чувствительность к правде и справедливости, эмоциональное, острое реагирование на явную несправедливость, оскорбления, повышенная чувствительность к критическим замечаниям, категоричность суждений, недоверчивость, ожидание негативного отношения со стороны окружающих.

С точки зрения Н. А. Ратиновой, С. Н. Иванова и А. В. Метелева¹, такая акцентуация (заостренность) индивидуально-психологических особенностей характерна для личности сотрудников правоохранительных органов, военных, участников контртеррористической операции и известна в науке как психологический феномен «комбатантной акцентуации»².

Описание выявленных черт в экспериментально-психологическом исследовании эксперта-психолога соответствует понятию комбатантной акцентуации (заострение черт характера, детерминированное действием психотравмирующей ситуации в профессиональной деятельности).

Для выдвинутого нами предположения о детерминации индивидуально-психологических особенностей личности в ситуации инкриминируемого деяния рассмотрим особенности самой предкриминальной ситуации, то есть выделим объективные и субъективные факторы психологического давления, носящие психотравмирующий характер.

Исследование психотравмирующей предкриминальной ситуации

Из рецензируемого заключения и материалов дела известно: примерно осенью 2018 г. ему неожиданно предложили уволиться из-за того, что он отказался подтвердить факт получения его коллегой взятки, так как ничего не видел. После этого его стали вынуждать уволиться со службы, также вызывали в отдел полиции супругу, где задавали вопросы по поводу финансового состояния обвиняемого, пояснив, что «это ОСБ что-то проверяет». Также обвиняемый и его коллега проходили испытания детектором лжи, как-то вечером кто-то из его руководства приходил к нему домой «за увольнением» (протокол допроса в качестве свидетеля от 14 ноября 2019 г., л. д. 130–133).

¹ Ратинова Н. А. Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психологическая оценка). Москва, 2000; Иванов С. Н., Метелев А. В. Психологическая экспертиза посттравматических стрессовых состояний сотрудников органов внутренних дел: монография. Ижевск, 2007.

² Лукманов М. Ф. Клинико-социальные особенности алкоголизации и пограничных психических расстройств у ветеранов войны в Афганистане: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Архангельск, 1995.

Последние два года он начал жаловаться на постоянные проверки со стороны руководства, которые проводили в отношении его коллег, на давление, которое оказывалось на него и других сотрудников руководством.

Летом 2018 г. его сослуживца подозревали в получении взятки. Обвиняемый подтвердить данный факт перед руководством отказался, поскольку лично ничего не видел. После этого руководство стало оказывать на него систематическое давление: сначала его просили уволиться по собственному желанию, после стали угрожать увольнением. Однако обвиняемый категорически отказывался уходить со службы, поскольку считал, что это несправедливо. В августе 2019 г. он хотел перевестись в другое подразделение, но ему отказали, после чего на него было наложено взыскание «якобы за допущенное им нарушение». Со слов подэкспертного, летом 2019 г. к нему пришла девушка азиатской внешности без документов и предлагала взятку, о чем он доложил руководству, которое никак не отреагировало на этот факт (протокол допроса в качестве свидетеля от 22 октября 2019 г., л. д. 119–123).

В совершении коррупционных правонарушений замечен не был, однако около года назад в отношении него сотрудниками подразделения собственной безопасности УВД проводилась служебная проверка. Основанием для проверки явился факт ненадлежащего исполнения им своих должностных обязанностей, обвиняемый был привлечен к дисциплинарной ответственности (протокол допроса в качестве свидетеля от 18 сентября 2019 г., л. д. 76–80).

Свидетель 2 – коллега обвиняемого – сообщила, что 18 сентября 2019 г. заступила на службу совместно с обвиняемым. Ранее, 10 сентября 2019 г., во время несения службы он делился с ней, что, по его мнению, руководство отдела относится к нему предвзято, исполнение им служебных обязанностей постоянно гласно и негласно проверяется и контролируется с целью смещения его с занимаемой должности. С его слов, это было связано с тем, что его подозревали в коррупции, чего он никогда не допускал. Также перед личным составом роты командиры часто его критиковали, ставили в негативный пример его действия.

Свидетель 4 – начальник обвиняемого – сообщил, что последний был предупрежден о неполном служебном соответствии, после чего ему со стороны руководства отдела полиции стало уделяться более пристальное внимание. Для этих целей он был переведен в другое подразделение, где можно было вести наблюдение за ходом его службы.

Из показаний обвиняемого: «...ему сказали, что он "теперь под особым контролем", что его "доведут до тюрьмы"».

Летом 2019 г. его коллегу также обвиняли в получении взятки, при этом его (обвиняемого) в очередной раз просили оговорить коллегу, но он не стал этого делать.

Таким образом, к объективным факторам психологического давления, содержащимся в показаниях свидетелей в предкриминальный период, можно отнести: принуждение сотрудниками подразделения собственной безопасности к даче ложных показаний в получении взятки сотрудником своего служебного коллектива; принуждение написать рапорт на увольнение со службы; угроза возбуждения служебной проверки; постоянные проверки со стороны руководства, отказ в переводе в другое подразделение; игнорирование руководством его доклада о провоцировании взятки; систематическое давление; привлечение к дисциплинарной ответственности; гласные и негласные проверки и усиленный контроль; публичная критика перед личным составом роты; предвзятое отношение; предупреждение о неполном служебном соответствии.

К субъективным факторам психологического давления можно отнести: открытое психологическое давление, принуждение, угрозу увольнения, несправедливости, провокации, предвзятости, несправедливую критику, отношение как к человеку «второго сорта», обвинение в «нечистоплотности», принуждение к оговору своих коллег и сослуживцев, пресечение попыток перевестись в другое подразделение, бездействие руководства при предоставлении информации о провокациях взятки; необоснованное проведение служебных проверок; попытку «подставить», «довести до тюрьмы».

С точки зрения специальных познаний данную ситуацию можно определить как ситуацию моббинга (систематической психологической травли на протяжении недель, месяцев или лет; систематически повторяющееся враждебное и неэтичное отношение одного или нескольких человек, направленное против другого человека, в основном одного). Цель моббинга – заставить жертву уволиться. Проще говоря, речь идет о «выживании» человека с рабочего места.

Для достижения цели, как правило, используются следующие методы: изоляция, игнорирование, запугивание, унижение, клевета, навешивание ярлыков, придирки, злоупотребление полномочиями, постоянная критика и требовательность, высмеивание, неоправданные обвинения, лишение премиальных зарплат, любые преследования и нападки, ущемляющие чувство собственного достоинства личности, действия, подрывающие репутацию и профессиональную компетентность жертвы.

Ситуация буллинга характеризуется как агрессивное поведение по отношению к неугодному человеку со стороны одного сотрудника (руководства) при молчаливом одобрении коллег.

Резюмируя вышесказанное, приходим к выводу, что объективные и субъективные факторы развития и восприятия ситуации объективно носили стрессовый психотравматический характер хронической фрустрации.

С высокой долей вероятности мы предполагаем, что ситуация систематической психологической травли, враждебное и неэтичное отношение, преследования и нападки, ущемляющие чувство собственного достоинства личности, действия, подрывающие репутацию и профессиональную компетентность жертвы, заострили акцентированные черты характера обвиняемого (выявленные в последующем в январе 2000 г. экспертом-психологом) и сформировали сильную мотивацию на достижение аффективно обусловленной цели – цели разрешения психотравмирующей ситуации и удовлетворения наиболее значимых личностных потребностей в безопасности, престиже, уважении и самореализации.

Исходя из описанной криминальной ситуации, обвиняемый, с одной стороны, имел сильную мотивацию остаться на любимой работе и реализовать базовые потребности в безопасности, престиже и уважении со стороны коллег и сослуживцев, достижении успеха и высокой оценки, служебного роста в профессиональной деятельности, с другой стороны, прекратить систематическую травлю, унижения и оскорбления, избавиться от чувства уязвимости и небезопасности, субъективной беспомощности. Как мы уже указывали выше, мотивированное желание сохранения личностной и профессиональной субъектности.

Социально приемлемые способы выхода из психотравмирующей ситуации не приносили обвиняемому успеха. Неудачи послужили благоприятной почвой для формирования стойкой субъективной концепции непреодолимости препятствия к достижению цели, сохранения личностной и профессиональной субъектности.

Резюмируя вышесказанное, констатируем, что в предкриминальный период (с лета 2018 г. по 18 сентября 2019 г.) обвиняемый находился в состоянии повышенной эмоциональной напряженности, имеющей выраженный психотравмирующий характер хронической фрустрации кумулятивного генеза, обусловленный объективными и субъективными травмирующими факторами профессиональной служебной деятельности.

Исследование психического состояния обвиняемого

Фактические данные.

Из рецензируемого заключения:

Свидетель 1 сообщил, что около 18 часов поступила информация о стрельбе в здании. Там он увидел обвиняемого, по внешнему виду он был «сам не свой», «выглядел каким-то отрешенным, потерянным» (протокол допроса в качестве свидетеля от 24 октября 2019 г., л. д. 95–99).

Свидетель 2 – коллега обвиняемого – сообщила, он показался ей потеряннным, не мог успокоиться, постоянно ходил из стороны в сторону, говорил, что «они хотели его подставить, совали деньги». В комнате полиции она увидела неизвестного ей мужчину, который попросил вызвать скорую помощь. Обвиняемый также пояснил, что «доложил ситуацию», но скорую медицинскую помощь не вызывал. Коллега попросила его убрать пистолет, что он и сделал, также он вызвал скорую помощь (протокол допроса в качестве свидетеля от 18 сентября 2019 г., л. д. 67–70).

Свидетель 5 – сотрудник подразделения собственной безопасности УВД – сообщил, что по внешнему виду он был «потерянный», «выглядел шокированным», на вопрос о выстрелах «буркнул что-то невнятное», после чего вернулся в комнату полиции; при заступлении на службу 18 сентября 2019 г. обвиняемый вел себя как обычно, был приветлив (протокол допроса в качестве свидетеля от 20 сентября 2019 г., л. д. 71–75).

Свидетель 6 – коллега обвиняемого – сообщил, что в комнате полиции станции он увидел сотрудника полиции, который стал бессвязно ему говорить, что его хотели подставить и пытались подкинуть деньги. Он не отрицал тот факт, что именно он произвел выстрелы (протокол допроса в качестве свидетеля от 3 октября 2019 г., л. д. 86–89).

В своих объяснениях обвиняемый добавлял, что, когда сотрудник подразделения собственной безопасности с довольным видом показывал платочки с какой-то бумажкой внутри, у него «внутри все взорвалось, рухнуло, просто было одновременно и отчаяние, и ярость», «голова была как в тумане», «какой-то провал в памяти», «не совсем понял, что произошло».

Эксперт-психолог, исследовав психическое состояние обвиняемого, сделал вывод, что тот испытал состояние эмоционального напряжения и возбуждения. Вместе с тем указанное эмоциональное состояние обвиняемого не достигало степени выраженности аффекта (не сопровождалось дезорганизацией деятельности, хаотичностью поведения, специфическими изменениями сознания, восприятия) и не препятствовало его способности к осознанию и произвольной регуляции собственной деятельности в период совершения инкриминируемых ему деяний. Однако со сделанным выводом можно согласиться лишь частично.

У рецензента не вызывает сомнений, что обвиняемый в состоянии физиологического аффекта с классическими его признаками не находился. Однако в судебной экспертологии, как указывают специальные знания, существуют разновидности физиологического аффекта, например кумулятивный аффект, и главная задача эксперта – установить вид юридически значимого психического состояния (психического состояния в юридически значимой ситуации), в котором находился подэкспертный.

Ф. С. Сафуанов указывает: «Основное отличие от классического физиологического аффекта состоит в том, что первая фаза обычно растянута по времени (от нескольких дней до месяцев и даже лет), в течение которого развивается более или менее длительная психотравмирующая ситуация, протрагированная психогения, обуславливающая кумуляцию, накопление эмоционального напряжения у обвиняемого. Кумуляции эмоционального напряжения существенно способствуют индивидуально-психологические особенности: чаще всего такие аффекты возникают у возбудимых личностей с компенсаторным высоким самоконтролем и у тормозимых, с доминированием «отказных» реакций. Аффективный взрыв может наступить и по незначительному («реальному» или «условному») поводу, по типу «последней капли». Вторая и третья фазы кумулятивного и физиологического аффекта принципиально не отличаются»¹.

Это означает, что уникальность в проявлении кумулятивного аффекта заключается в наличии длительной психотравмирующей ситуации, обуславливающей кумуляцию, накопление эмоционального напряжения у обвиняемого. Отметим, что в своем исследовании эксперт-психолог также признает наличие ситуации фрустрации, выраженного стресса и дезадаптации личности (л. 11 рецензируемого заключения). Однако ни ситуация фрустрации, ни ситуация выраженного стресса и дезадаптации личности в исследовательской части рецензируемого экспериментально-психологического исследования изучены и раскрыты не были.

Может быть, было изучено состояние повышенной эмоциональной напряженности?

Вновь обратимся к специальным знаниям и судебно-экспертной оценке эмоционального напряжения, оказывающего существенное влияние на сознание и поведение человека, в трудах ученых².

¹ Сафуанов Ф. С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза индивидуально-психологических особенностей и ограниченной вменяемости // Медицинская судебная психология: курс лекций. Москва, 2004. С. 411–433.

² Ратинова Н. А. Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психологическая оценка). Москва, 2000; Сафуанов Ф. С. Комплексная судебная психолого-

С точки зрения Ф. С. Сафуанова, при агрессии как разрядке эмоциональной напряженности, возникшей в структуре стресса в длительной психотравмирующей ситуации, наиболее типичным экспертным решением было установление кумулятивного аффекта (примерно в 50 % случаев). Кумулятивные эмоциональные состояния диагностированы в основном у психически здоровых людей, у лиц с резидуальными формами органического психического расстройства без выраженных изменений психики, реже – у психопатических личностей. Интенсивность агрессивного побуждения связана с высоким уровнем эмоциональной напряженности, развившейся в длительной психотравмирующей ситуации. До разрядки напряжения для обвиняемых характерен перебор вариантов поведения, направленных на снижение этой напряженности. Он протекает как процесс «совладающего» поведения, но оказывается неудачным. Неудачные попытки разрешить психотравмирующую ситуацию заканчиваются фрустрациями, что, в свою очередь, по механизму порочного круга приводит к дальнейшему усилению эмоционального напряжения. После исчерпания всех копинг-стратегий эмоционально обусловленный выбор агрессивного действия (возникающего обычно в ответ на очередную психогению по механизму «последней капли») оказывается импульсивным и безальтернативным. Если при физиологическом аффекте как непосредственной реакции на единственное психотравмирующее воздействие выбор действия является первым и единственным, то при кумулятивном аффекте агрессия – субъективно последний и единственный выход из психотравмирующей ситуации. Характерное для кумулятивного аффекта частичное сужение сознания, признаки которого можно наблюдать уже на стадии накопления эмоционального напряжения, снижает возможности рефлексии и осмысления своего поступка.

Смысл своих агрессивных действий в момент совершения правонарушения практически не осознается, а сочетание «отчуждения» и «принятия» своего противоправного акта на постаффективной стадии сигнализирует об отчетливом конфликтном смысле собственной агрессии: с одной стороны, она является единственным выходом из сложившейся ситуации, с другой – она противоречит ценностям личности. Искажения самооценки динамически проявляются на стадии, непосредственно предшествующей аффективному взрыву, в виде ощущения субъективной беспомощности. В момент совершения преступления прогноз результата своих дей-

ствий и оценка их последствий фактически не осуществляются. Окончание агрессивного действия при кумулятивном аффекте связано не с оценкой изменения ситуации, а с истощением агрессивного побуждения, разрядкой эмоционального напряжения. Поэтому во многих случаях агрессивные действия сопровождаются нанесением потерпевшему множественных повреждений.

Ниже рассмотрим еще одно юридически значимое психическое состояние – состояние фрустрации.

Фрустрация (от лат. *frustratio* – обман, расстройство, разрушение планов) – 1) психическое состояние, выражающееся в характерных особенностях переживаний и поведения, вызываемых объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями, возникающими на пути к достижению цели или решению задачи; 2) состояние краха и подавленности, вызванное переживанием неудачи.

Фрустрация – эмоционально-тяжелое переживание человеком своей неудачи, сопровождающееся чувством безысходности, крушения надежд в достижении определенной желаемой цели.

Состояние фрустрации характеризуется наличием стимулированной потребности, не нашедшей своего удовлетворения. Среди причин возникновения фрустрации можно выделить помехи, исключающие возможность достижения цели; унижение, оскорбление при восприятии невозможности (реальной или субъективной) действовать соответственно мотивам; фиаско, неадекватность, разочарование в себе. Необходимым условием для возникновения фрустрации является сильная мотивированность к достижению цели.

Субъективные переживания в состоянии фрустрации, как и при аффекте, в первую очередь связаны с эмоцией гнева. Гнев вызывает сильное напряжение, повышение уверенности в себе, а также готовность к агрессии, направленной на источник фрустрации. При этом гнев ускоряет агрессию, поскольку сила переживания гнева напрямую связана с величиной потребности в физическом действии. Также в состоянии фрустрации переживаются эмоции отвращения и презрения.

Фрустрация вызывает существенную дезорганизацию психической деятельности. Это выражается в фиксации сознания на факте наличия препятствия на пути к достижению цели, в ошибках восприятия, в переоценке угрозы извне. В состоянии фрустрации отмечается резкое увеличение уровня активации (вплоть до нервозности), эмоциональное возбуждение. Поведение носит агрессивный характер, усиливается его импульсивность, снижается волевой контроль (при наличии у человека уверенности в себе, ощущении

силы), что значительно повышает готовность к нападению или двигательной активности.

Фрустрационное поведение отличается как от аффективного, так и от стрессового (обусловленного психической напряженностью). Если аффект всегда обуславливает агрессию и деструкцию, направленные на источник психотравмирующего воздействия, то фрустрация может вызывать большую вариабельность поведения. Помимо названных агрессии и деструкции, в состоянии фрустрации могут отмечаться бесцельное двигательное возбуждение или, напротив, апатия; могут проявиться стереотипия и регрессия (примитивизация поведенческих реакций, снижение качества деятельности). Однако есть и сходство с аффектом: это однозначно негативное влияние фрустрации на психическую деятельность. Но именно этот момент и отличает фрустрацию от психической напряженности.

Таким образом, состояние фрустрации характеризуется наличием стимулированной потребности, не нашедшей своего удовлетворения. Среди причин возникновения фрустрации можно выделить помехи, исключающие возможность достижения цели; унижение, оскорбление при восприятии невозможности (реальной или субъективной) действовать соответственно мотивам; фиаско, неадекватность, разочарование в себе.

Необходимым условием для возникновения фрустрации является сильная мотивированность к достижению цели. В состоянии фрустрации переживаются эмоции отвращения и презрения, отмечается резкое увеличение уровня активации (вплоть до нервозности), эмоциональное возбуждение. В то же время для правильной диагностики психического состояния необходимо исследование внутренней структуры криминально-агрессивного поведения.

Н. А. Ратинова указывает, что разработанная учеными Центра социальной и судебной психиатрии имени В. П. Сербского (в настоящее время Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации) типология экспертных форм криминальной агрессии позволяет экспертам-психологам диагностировать уровень саморегуляции в конкретных актах криминального поведения, определять степень способности субъекта к осознанному руководству своими действиями, что позволяет более обосновано и дифференцировано выносить экспертные суждения об обстоятельствах, существенных для индивидуализации ответственности.

В рецензируемом заключении эксперт-психолог не определил и не исследовал тип криминальной ситуации и тип криминальной

агрессии; не раскрыл психологический механизм проявления агрессивного поведения обвиняемого; не дал психологическую оценку установленным экспериментально-психологическим исследованием особенностям отражения, осознания, понимания, смыслового восприятия ситуации, произвольной волевой регуляции действий обвиняемого, контроля поведения, сохранности прогностических возможностей, степени опосредованности действий и других регуляторных психологических механизмов с учетом индивидуально-психологических возможностей эмоционального и функционального состояния, особенностей уровня психического развития обвиняемого в ситуации инкриминируемого деяния и обстоятельствах дела.

В качестве восполнения этого пробела проанализируем предполагаемую форму и механизм развития криминальной агрессии обвиняемого.

Н. А. Ратинова указывает, что выделенные формы криминальной агрессии определялись на основании анализа и обобщения текущей практики комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз вменяемых лиц, проведенных в лаборатории психологии Центра социальной и судебной психиатрии имени В. П. Сербского за последние годы (эмпирической базой явились 180 экспертных исследований по делам об агрессивно-насильственных преступлениях). Данная типология позволяет экспертам-психологам диагностировать уровень саморегуляции в конкретных актах криминального поведения, определять степень способности субъекта к осознанному руководству своими действиями, что позволяет более обосновано и дифференцировано выносить экспертные суждения об обстоятельствах, существенных для индивидуализации ответственности.

Одной из форм криминальной агрессии (агрессия, обусловленная аффективной целью) является та, при которой лицо совершает агрессивные преступления в состоянии выраженного эмоционального возбуждения.

В качестве рабочей гипотезы в приведенном нами примере мы можем предположить, что данная форма криминальной агрессии проявилась в поведении обвиняемого.

В типологии Н. А. Ратиновой данные лица характеризуются просоциальной личностной направленностью, ориентацией на соблюдение общепринятых норм и правил, сниженной эмоциональной устойчивостью, слабой стрессовой толерантностью. У этих субъектов выявляется отчетливое стремление контролировать свои поступки, сдерживать непосредственные реакции, соотносить свое

поведение с общепринятыми нормами и стандартами. Как правило, криминальной ситуации, в которой совершались агрессивные деяния, предшествовали конфликтные взаимоотношения агрессора с потерпевшими. Инициатива в обострении конфликта обычно принадлежала потерпевшим. В их действиях, вероятнее всего, содержалась прямая провокация агрессии либо в форме насильственных действий, либо в виде угроз, шантажа или иных проявлений враждебности. Это приводило к нарастанию эмоционального напряжения у обвиняемого, который расценил сложившуюся ситуацию как реально опасную, субъективно угрожающую его жизни, иным ведущим ценностям и удовлетворению высших потребностей, и не видел выхода из нее.

В процессе неожиданно возникшего конфликта (расцененного как провокация, «стремление довести до тюрьмы») поведение субъектов начинало определяться влиянием аффективно насыщенной цели, которая исходно была связана с основными мотивами личности обвиняемого. Однако в ходе конфронтации при невозможности достижения цели предполагавшимися ранее не силовыми методами (добровольное прохождение полиграфа, написание рапорта о переводе в другое подразделение, доклад о провоцировании взятки), она (цель) на высоте эмоциональной вспышки становилась сверхзначимой, автономизировалась, произошло смещение мотива на цель. При этом нарушалось операциональное обеспечение поставленной цели, утрачивалась способность к выбору средств и способов ее достижения, они приобретали ситуативный, аварийный, крайне деструктивный характер. В данном случае выбор табельного огнестрельного оружия, как мы уже отмечали выше, для обвиняемого сотрудника полиции был привычен, его действия в этой ситуации носили автоматизированный характер, тем более что за несколько часов до возникшего конфликта он был на учебных стрельбах в подразделении. Сознание субъекта в описываемом состоянии отличалось выраженной суженностью, фиксацией на аффектогенном объекте (сотрудниках подразделения собственной безопасности). Значительное число элементов ситуации, не связанных непосредственно с объектом агрессии, выпадало из поля восприятия (например, понятия).

В результате существенно нарушалась способность к целостному осмыслению и оценке ситуации, резко ухудшались качество контроля за своими действиями и прогноз их возможных последствий. Можно сказать, что, несмотря на относительную внешнюю упорядоченность активности субъекта, она носила исключительно ситуативный характер. Исходно мотиво- и целесообразная деятельность, направленная на преодоление конфликта, в процессе кон-

фронтации на фоне эмоционального возбуждения утрачивала внутреннюю интеграцию и согласованность составляющих ее звеньев. Криминальное поведение подчинялось аффективно обусловленной цели и осуществлялось без этапа планирования и неадекватным операциональным обеспечением. В данном случае мы имеем дело уже не с мотивосообразной деятельностью, а лишь с относительно упорядоченными действиями, соотносимыми не с мотивом, а аффективно насыщенной целью. Эти действия регулировались механизмами не личностного уровня, а иерархически более низкого – индивидуального.

Таким образом, поведение обвиняемого характеризуется признаками выраженного эмоционального напряжения, имеющего кумулятивную природу, ассоциативно связанного с длительной психотравмирующей ситуацией; чувствами субъективной безысходности, ощущениями субъективной беспомощности и безвыходности из сложившейся ситуации, непосредственно предшествующей аффективному взрыву; неудачными попытками совладающего поведения – наличием множества фрустраций, связанных с поиском выхода из психотравмирующей ситуации, сформированных неэффективных психологических защит, снижающих степень психотравмирующего воздействия; неблагоприятным стрессовым фоном; фрагментарностью восприятия и частичным сужением сознания на психотравмирующем факторе в лице потерпевших; неполнотой восприятия ситуации инкриминируемого деяния, носящей симультанный и сукцессивный характер; заполненностью сознания переживаниями, связанными с психотравмирующим воздействием угрозы и опасности со стороны потерпевших, представляющих единый совокупный субъект опасности; захваченностью и фиксированностью психики травматическим субъективно сформированным образом угрозы и опасности со стороны поведения потерпевших; снижением способности к прогнозу результатов своих действий и их отдаленных последствий; проявлением признаков искаженного восприятия; двигательных автоматизмов (стереотипии); дезорганизацией психической деятельности; разрешением психотравмирующей ситуации.

Исходя из психологического анализа и специальных психологических знаний специалиста-рецензента, основываясь на представленной информации и методологии судебного экспертного подхода, выводы на поставленные органами следствия на разрешение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы вопросы 10 и 11 (в качестве альтернативной гипотезы) с высокой долей вероятности могут выглядеть следующим образом.

Ответ на вопрос 10: «Имевшиеся у подэкспертного особенности эмоционального состояния, а также индивидуально-психологические особенности, такие как ориентация на собственные мотивы и потребности без учета интересов окружающих, субъективизм и категоричность суждений, обидчивость, эмоциональная неустойчивость, склонность к оппозиционности и внешнеобвиняющим реакциям, повышенная чувствительность к критическим замечаниям в свой адрес, острое реагирование на явную несправедливость, оскорбления, недоверчивость, ожидание негативного отношения со стороны окружающих, оказали существенное влияние на его сознание и поведение, привели к трансформации и распаду структуры деятельности, редукции составляющих ее звеньев, нарушению подконтрольности поведения».

Ответ на вопрос 11: «Эмоциональное состояние подэкспертного не носило характера физиологического аффекта, имело иную динамику протекания и феноменологию, обусловленную длительной психотравмирующей ситуацией хронической стресса (фрустрации), однако по степени сужения сознания и выраженности нарушений произвольной регуляции поведения приближалось к нему».

ВЫВОДЫ ПО ВОПРОСАМ РЕЦЕНЗИРУЕМОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вопрос 1. Исходя из современных научных психологических познаний и судебно-экспертной практики производства судебно-психологических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз, отвечает ли требованиям полноты, всесторонности, достоверности и научной обоснованности в целях установления всех фактических обстоятельств, имеющих значение для дела, заключение комиссии экспертов в части экспериментально-психологического исследования, проведенного экспертом-психологом (первичной амбулаторной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы) в отношении обвиняемого?

Ответ: в результате проведенного анализа рецензент приходит к выводу, что рецензируемое заключение комиссии экспертов (первичной амбулаторной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы) в отношении обвиняемого в части экспериментально-психологического исследования, проведенного экспертом психологом, не отвечает требованиям полноты, всесторонности, достоверности и научной обоснованности исследования:

1. Заключение составлено с нарушением методологии научного исследования, не выдержаны требования, предъявляемые

к качеству и структуре заключения как судебного экспертного исследования.

Экспертом не определены объекты и предметы комплексных судебных экспертиз, вследствие чего произошло необоснованное сужение объема предмета исследования, обусловленного ч. 1 ст. 291.2 и ст. 317 УК РФ, при оценке мотивации поведения обвиняемого, изменении динамики и структуры криминального поведения, определении уровня регуляции функционирования сознания, оценке влияния ситуации фрустрации на проявление психического состояния и поведения обвиняемого в ситуации инкриминируемого деяния.

В заключении комиссии экспертов (первичной амбулаторной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы) в части экспериментально-психологического исследования, проведенного экспертом-психологом, не в полной мере отражена субъективная сторона преступления, включающая в себя экспертную оценку иного, чем аффект, юридически значимого психического состояния, обусловленного длительной психотравмирующей ситуацией фрустрации, либо иного вида юридически значимого психического состояния, не раскрыта структура криминальной агрессии и поведения участников криминальной ситуации, не определен уровень регуляции поведения. Не дана оценка поведению участвующих в криминальной ситуации лиц, в том числе характера их поведения (провоцирующее/не провоцирующее агрессию).

Не раскрыты основные моменты, составляющие суть судебно-психологической экспертной оценки психического состояния, в частности экспертной задачи по определению иного вида юридически значимого психического состояния, например кумулятивного аффекта или фрустрации, а также степени его влияния на способность обвиняемого к осознанной произвольной регуляции поведения в ситуации инкриминируемого деяния и момент совершения преступления. Не отражены психологические мотивы поведения обвиняемого.

Психологическое исследование проведено с нарушением методологии экспертных исследований и требований, предъявляемых к производству судебно-психологической экспертизы Федеральным законом № 73-ФЗ, ст. 204 УПК РФ, приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 августа 2003 г. № 401¹, а имеющиеся фактические данные рассмотрены претенциозно под

¹ Об утверждении отраслевой учетной и отчетной медицинской документации по судебно-психиатрической экспертизе: приказ Минздрава России от 12 августа 2003 г. № 401. Утратил силу.

углом зрения «умышленной виновности» обвиняемого. В целом же выводы в психологической части носят вероятностный, недостаточно мотивированный и доказательный характер. Выводы психолога по 10 и 11 вопросу являются неаргументированными и неубедительными. Не отвечает требованиям полноты, всесторонности и научной обоснованности.

2. Экспертами не выдержаны требования, предъявляемые к качеству и структуре заключения, методике его производства как комплексного психолого-психиатрического исследования, предусмотренные ст. 25 Федерального закона № 73-ФЗ и ст. 204 УПК РФ, а именно:

1) психологическое исследование не удовлетворяет требованиям логической развернутости и верификации (то есть дающим возможность его проверки другими специалистами). В тексте заключения отсутствуют количественные и качественные показатели степени выраженности той или иной черты, личностного свойства;

2) недостаточный выбор специальных методов исследования, раскрывающих индивидуально-психологические особенности личности обвиняемого и потерпевших как субъектов профессиональной деятельности;

3) не все источники информации, находящиеся в материалах уголовного дела, имеющие существенное значение для принятия экспертом достоверного вывода, были использованы. Например, не исследованы все фактические данные в обстоятельствах дела (не дано оценки событиям, установленным в показаниях свидетелей 1–5), относящиеся к особенностям проявления психического состояния в предкриминальной, собственно криминальной и посткриминальной ситуации и в момент инкриминируемого деяния;

4) в исследовательской части эксперта-психолога отсутствует анализ документальной видеозаписи инцидента, размещенной в социальной сети в Интернете. Из заключения не ясно, содержится ли данная документальная запись в материалах уголовного дела, была ли она предоставлена эксперту для психологического анализа и оценки поведения участников инцидента. С точки зрения рецензента, она имеет существенное значение для более объективной оценки ситуации инкриминируемого деяния, обстоятельств дела и поведения участников, результатов служебной проверки по данному факту;

5) не принято мер по установлению данных о том, носили ли действия потерпевших, и в частности потерпевших сотрудников

подразделения собственной безопасности, психотравмирующий, провоцирующий агрессию характер. Например, каковы внутренняя психологическая структура поведения, степень осознанности, уровень регуляции своих действий, чем обусловлено криминальное поведение обвиняемого:

- защитной формой поведения и действием механизмов психологической защиты;
- психическим воздействием (давлением, принуждением, провоцированием) со стороны потерпевших или третьих лиц;
- неспособностью в полной мере воспринимать окружающую обстановку и прогнозировать последствия своих действий;
- дефектом сферы волевой регуляции поведения, обусловленным психическим состоянием;

б) не изучена субъективная оценка восприятия угрозы и опасности в ситуации инкриминируемого деяния, субъективного восприятия образа личностных особенностей потерпевших и мотивов их должного поведения (регламентированного приказами служебной деятельности) в исследуемой ситуации. В частности, в выводах эксперта-психолога инкриминируемая ситуация описана как ситуация обыска, потерпевшими расценена как проведение оперативно-розыскного мероприятия «Наблюдение»;

7) не изучена мотивационная сторона поведения, степень свободы волеизъявления и осознания собственных действий обвиняемого в ситуациях инкриминируемого деяния и в обстоятельствах дела в предкриминальный, криминальный и поскриминальный периоды.

3. Содержащиеся в заключениях выводы не корреспондируют с исследовательской частью, не согласуются со всей совокупностью объективных данных, содержащихся в обстоятельствах дела, в связи с чем не являются полными.

Не оценены показания свидетелей, содержащиеся в описательной части заключения, раскрывающие сложившуюся психотравмирующую ситуацию фрустрации, психическое состояние и поведение обвиняемого в ситуации провокации инкриминируемого деяния и обстоятельствах дела.

Вопрос 2. Носят ли вопросы, поставленные перед комиссией экспертов, исчерпывающий характер для установления всех фактических обстоятельств, имеющих значение для дела?

Ответ:

– перечень вопросов, указанных в постановлении следователя для разрешения экспертами, не носит полного характера

и не отражает психологическую природу исследования субъективной стороны составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 291.2 и ст. 317 УК РФ, о мелком взяточничестве и посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительных органов (нет ни одного вопроса в соответствии с предъявленным обвинением по ст. 291.2 УК РФ). В частности, к предмету ст. 317 УК РФ, необходимому для раскрытия субъективной стороны состава преступления, относится мотив мести за деятельность по охране общественного порядка и обеспечение общественной безопасности и воспрепятствование законной деятельности сотрудника по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. В исследовательской части заключения не определена юридически релевантная ситуация, не проанализирована деятельность и поведение участников ситуации (обвиняемого, потерпевших, понятых), не изучены их индивидуально-психологические особенности и степень (существенность/несущественность) их влияния на развитие ситуации инкриминируемого деяния;

– вопросы, сформулированные в общем виде, не способствуют полному и всестороннему раскрытию субъективной стороны состава преступления и установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 9 Федерального закона № 73-ФЗ);

– вопросы не сгруппированы по объектам исследования, а также по эпизодам дела и версиям для формулирования экспертной задачи;

– отсутствуют вопросы по исследованию экспертной оценки мотивов поведения обвиняемого и потерпевших в ситуации инкриминируемого деяния и обстоятельствах дела (например, носило ли поведение потерпевших провоцирующий агрессию обвиняемого характер?);

– отсутствуют вопросы об особенностях восприятия и субъективной оценки угрозы и опасности сложившейся ситуации со стороны обвиняемого с ситуацией психологического давления (моббинга и буллинга со стороны третьих лиц), носящей длительный психотравмирующий характер, описанный в исследовательской части заключения.

Вопрос 3. Исходя из современных научных психологических познаний и экспертологической практики, имеются ли достаточные основания для производства дополнительной или повторной, комплексной либо однородной судебно-психологической экспертизы по уголовному делу № 0000000 в отношении обвиняемого?

Ответ:

1. Выявленные рецензентом фактические данные, содержащиеся в представленных материалах рецензируемого заключения:

– личности участников инкриминируемого деяния – сотрудников полиции (обвиняемого, потерпевших) – требуют исследования и психологической оценки как субъектов профессиональной деятельности, то есть необходимо исследование личностной и профессиональной субъектности;

– место преступления – место работы; выбор орудия преступления – табельное огнестрельное оружие – привычен (сформированный профессиональный навык), применяется сотрудниками полиции в случае угрозы и опасности при исполнении служебных обязанностей;

– длительная психотравмирующая ситуация хронического стресса (фрустрации), психического давления со стороны руководства органа внутренних дел; несработавшие методы разрешения психотравмирующей ситуации; агрессивные действия как способ выхода из нее; своевременное информирование о возникновении конфликтной ситуации фрустрации, не приведшее к ее предупреждению и разрешению;

– добровольная сдача оружия, отсутствие противодействия задержанию и расследованию преступления, признаки временной амнезии (не помнил сколько было патронов и в кого стрелял) свидетельствуют о фиксации и суженности сознания обвиняемого на аффективном раздражителе, при этом поведение подчинялось аффективно обусловленной цели и осуществлялось без этапа планирования, на стадии выхода из аффективно окрашенного состояния проявились относительно упорядоченные автоматизированные действия, отражающие дезорганизацию сознания, нарушающие целе- и мотивосообразность поведения.

2. Установленная экспертом-психологом психотравмирующая ситуация и механизм кумулятивного накопления аффективно окрашенных реакций требует дополнительного исследования и разрешения в рамках назначения и производства однородной судебной психологической экспертизы с постановкой на ее разрешение ранее не разрешенных, но существенно важных для данного дела обстоятельств. В частности, для определения существенности влияния поведения и индивидуально-психологических особенностей потерпевших сотрудников подразделения собственной безопасности на исследуемую ситуацию инкриминируемого деяния и обстоятельства дела.

3. Исходя из психологического анализа и специальных психологических знаний специалиста-рецензента, основываясь

на представленной информации и методологии судебного экспертного подхода, выводы на поставленные органами следствия на разрешение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы вопросы 10 и 11 (в качестве альтернативной гипотезы) с высокой долей вероятности могут выглядеть следующим образом.

Ответ на вопрос 10: «Имевшиеся у подэкспертного особенности эмоционального состояния, а также индивидуально-психологические особенности, такие как ориентация на собственные мотивы и потребности без учета интересов окружающих, субъективизм и категоричность суждений, обидчивость, эмоциональная неустойчивость, склонность к оппозиционности и внешнеобвиняющим реакциям, повышенная чувствительность к критическим замечаниям в свой адрес, острое реагирование на явную несправедливость, оскорбления, недоверчивость, ожидание негативного отношения со стороны окружающих, оказали существенное влияние на его сознание и поведение, привели к трансформации и распаду структуры деятельности, редукции составляющих ее звеньев, нарушению подконтрольности поведения».

Ответ на вопрос 11: «Эмоциональное состояние подэкспертного не носило характера физиологического аффекта, имело иную динамику протекания и феноменологию, обусловленную длительной психотравмирующей ситуацией хронической стресса (фрустрации), однако по степени сужения сознания и выраженности нарушений произвольной регуляции поведения приближалось к нему».

Подтверждение или опровержение выдвинутых специалистом альтернативных гипотез психологического исследования необходимо разрешить в рамках назначения и производства однородной судебной психологической экспертизы.

Вопрос 4. Какие вопросы целесообразно разрешить при производстве дополнительной, повторной, комплексной либо однородной судебно-психологической экспертизы в отношении обвиняемого, исходя из предоставленных для анализа документов?

Ответ: на производство и разрешение однородной судебной психологической экспертизы необходимо вынести следующие вопросы:

1. Имеются ли у обвиняемого такие индивидуально-психологические особенности, как мстительность, повышенная агрессивность, обидчивость, повышенная ранимость и чувствительность к критическим замечаниям? Каковы ценностные установки и нравственные ориентации личности обвиняемого?

2. Оказали ли индивидуально-психологические особенности обвиняемого существенное влияние на его сознание и поведение в ситуации инкриминируемого деяния?

3. Имеются ли в поведении обвиняемого признаки профессиональной деформации, какова степень их выраженности? Могли ли они оказать существенное влияние на изменение восприятия ситуации в условиях ограниченного времени в момент принятия решения о применении табельного оружия?

4. Имеются ли в ситуации инкриминируемого деяния и обстоятельствах дела признаки психического воздействия (моббинга или буллинга, психологического давления, принуждения, провоцирования) на обвиняемого со стороны потерпевших либо со стороны третьих лиц? Если да, то в чем они выразались? Оказали ли они существенное влияние на развитие ситуации, психического состояния и поведение обвиняемого?

5. Носило ли поведение обвиняемого ситуативно обусловленный, зависимый от сложившейся ситуации характер в момент совершения агрессивных действий? Если да, то в чем это выразилось и как отразилось на уровне регуляции поведения обвиняемого?

6. Не находился ли обвиняемый в ином особом юридически значимом психическом состоянии в виде фрустрации, ином аффективном психическом состоянии кумулятивного генеза? И как оно повлияло на способность сознавать значение своих действий и руководить ими в ситуации инкриминируемого деяния?

7. Каковы индивидуально-психологические особенности личности потерпевшего 1? Оказали ли они существенное влияние на поведение обвиняемого в ситуации инкриминируемого деяния и обстоятельствах дела? Если оказали, то в чем конкретно это проявилось?

8. Каковы индивидуально-психологические особенности личности потерпевшего 2? Оказали ли они существенное влияние на поведение обвиняемого в ситуации инкриминируемого деяния и обстоятельствах дела? Если оказали, то в чем конкретно это проявилось?

9. Какова субъективная оценка восприятия угрозы и опасности в ситуации сложившихся отношений между потерпевшими и обвиняемым, субъективного восприятия образа личностных особенностей потерпевших 1 и 2 и мотивах их должного поведения (регламентированного приказами служебной деятельности) в ситуации инкриминируемого деяния?

10. Не носили ли действия потерпевших 1 и 2 и свидетелей провоцирующий агрессивное поведение обвиняемого характер в ситуации инкриминируемого деяния и момент совершения криминальных действий?

Глава 3. Использование психологических знаний руководителем органов внутренних дел Российской Федерации в профессиональной деятельности

3.1. Использование специальных психологических знаний при оценке правомерности применения сотрудником органов внутренних дел Российской Федерации огнестрельного оружия

Использование специальных психологических знаний необходимо на каждом этапе (стадии) профессионально-психологической оценки действий сотрудника полиции в ситуации применения оружия¹, а именно, последовательного выполнения обязательных действий сотрудником полиции, связанных с применением огнестрельного оружия, в соответствии с пунктами и подпунктами конкретной статьи федеральных законов и в первую очередь Федерального закона «О полиции»²:

- до применения (то есть от момента обнаружения признаков правонарушений, для пресечения которых возможно применение огнестрельного оружия, и до принятия решения на открытие огня);
- в момент применения (то есть от момента принятия решения на открытие огня и до окончательного прекращения стрельбы);
- после применения (то есть от момента прекращения стрельбы до официального заключения о правомерности применения огнестрельного оружия и иных действий сотрудника, его компетентности).

Так, до применения огнестрельного оружия сотрудник полиции должен:

- грамотно и быстро определить, что признаки правонарушений, обуславливающие необходимость применения огнестрельного оружия, налицо;
- определить степень общественной опасности возникшей ситуации применения огнестрельного оружия.

¹ Экспертно-психологический подход к оценке правомерности применения огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов // Восточно-Европейский научный вестник. 2015. № 1. С. 32–37.

² О полиции [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В рамках профессионально-психологической, экспертной оценки необходимо:

- определить степень психологической угрозы и опасности для себя (личная безопасность) и граждан;
- определить намерения правонарушителя, спрогнозировать динамику развития ситуации, степень угрожающей опасности, реальности осуществления угрозы;
- оценить психическое состояние лиц, вовлеченных в опасную ситуацию, и их возможное поведение для пресечения противоправных действий.

В момент применения: в рамках профессионально-психологической, экспертной оценки требуется также исследовать то, в какой степени происходящее воздействовало на наиболее уязвимые звенья личностной структуры субъекта, не предъявляла ли экстремальная ситуация чрезмерные требования к имеющимся у оборонявшегося ресурсам самоконтроля, способности к оперативному осмыслению и принятию решения.

После применения огнестрельного оружия: в рамках профессионально-психологической, экспертной оценки необходимо установить, как воспринимались действия и намерения участников, насколько серьезно расценивалась опасность посягательства, каким именно ценностям она, по их мнению, угрожала, какие мотивы приписывались другой стороне, как прогнозировалось развитие конфликта, обладал ли обороняющийся ресурсами для выбора иного способа действия.

Исходя из практики применения огнестрельного оружия и степени экстремальности ситуации, всех сотрудников правоохранительных органов условно можно разделить на следующие категории:

а) «кабинетные, штабные» – сотрудники, никогда не применявшие огнестрельное оружие и не имевшие в своем индивидуальном профессиональном опыте экстремальных, конфликтных ситуаций, связанных с угрозой жизни и здоровья для себя и граждан (не имеющие опыта применения оружия, неопределенную или нейтральную психологическую позицию (установку) к фактам применения оружия);

б) «отказники перестраховщики» – сотрудники, не применявшие огнестрельное оружие, но имевшие в своей индивидуальном профессиональном опыте ситуации угрозы и опасности, при которых обстоятельства располагали к законному применению огнестрельного оружия в отношении правонарушителей в целях защиты законных интересов граждан и обеспечения личной безопасности,

при этом их действия/бездействия не повлекли за собой негативных последствий, в том числе и для лиц, вовлеченных в эти ситуации (имеющие негативную психологическую позицию (установку) и отрицательные переживания по фактам признания неправомерного применения оружия);

в) «жертвы» – сотрудники, не применявшие огнестрельное оружие, но имевшие в своем индивидуальном профессиональном опыте ситуации угрозы и опасности, при которых обстоятельства располагали и обязывали сотрудников к законному применению огнестрельного оружия в отношении правонарушителей в целях защиты законных интересов граждан и обеспечения личной безопасности, однако их действия/бездействия повлекли тяжелые физические и моральные последствия, в результате чего им и лицам, вовлеченным в опасную ситуацию, был нанесен физический и моральный вред, привели к несчастным случаям, ранению и даже гибели (не применявшие огнестрельное оружие, несмотря на то, что ситуация и обстоятельства предполагали и даже обязывали правомерное применение огнестрельного оружия против правонарушителей);

г) «профессионалы» – сотрудники, применявшие огнестрельное оружие, имевшие в своей индивидуальном профессиональном опыте ситуации угрозы и опасности, при которых в целях защиты законных интересов граждан и обеспечения личной безопасности законом разрешено применение огнестрельного оружия (имеющие опыт правомерного применения оружия, позитивную психологическую установку по фактам личного применения оружия);

д) «наемники, комбатанты» – сотрудники, применявшие огнестрельное оружие, имеющие в своем индивидуальном профессиональном опыте травматические ситуации, ситуации реальной угрозы и опасности, сформированные опытом профессиональные «динамические стереотипы» применения оружия в экстремальных ситуациях в целях защиты законных интересов граждан и обеспечения личной безопасности, в том числе в ситуациях, оценка которых не предусмотрена прямо нормативной правовой базой, и в частности Федеральным законом «О полиции» (например, в условиях ведения активных боевых действий на определенной территории, специальных операций по освобождению заложников); в ситуациях, когда в правоприменительной практике имеются противоречия в юридической оценке юридически значимых ситуаций (например, в ситуации необходимой обороны и превышения пределов необходимой обороны) (то есть сотрудники, имеющие разнообразный индивидуальный профессиональный опыт (позитивный и негатив-

ный) применения оружия; имеющие признаки проявления посттравматических стрессовых расстройств или личностных изменений по типу комбатантной акцентуации).

Психологическая сущность процессов и явлений, связанных с применением сотрудником полиции огнестрельного оружия, включает в себя необходимость обязательного учета психологических аспектов восприятия и оценки сотрудником полиции действий участников и свидетелей ситуации, связанной с применением им огнестрельного оружия и принятием соответствующих решений.

Исследования психологов показывают, что при принятии решения в условиях риска люди учитывают два основных фактора: вероятность удачи и величину неудачи, которая ощущается как ожидаемый ущерб. Риск, в свою очередь, характеризуется возможностью выбора между менее или более опасным для сотрудника полиции вариантами поведения, но различающимися по степени их эффективности с точки зрения достижения результатов деятельности. Часто рискованное поведение позволяет достичь цели деятельности быстрее и с минимальными потерями.

В значительной мере благоприятный исход при риске связан со степенью обоснованности или необоснованности принятия решения сотрудником органов внутренних дел о рискованном поведении. В УК РФ дается уголовно-правовое понятие обоснованного и необоснованного риска. В ст. 41 УК РФ отмечается, что «риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам». С другой стороны, «риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия».

В правоприменительной практике все ситуации, связанные с риском, можно разделить на два типа.

Ситуации первого типа представляют возможность выбора между рискованным поведением или отказом от него, исходя из предвосхищения сотрудником возможных последствий и степени вероятности успеха.

Второй тип ситуаций характеризуется обязательностью риска со стороны сотрудников полиции в силу выполняемых ими профессиональных функций, так как отказ от рискованного поведения может однозначно привести к неминуемой гибели людей, аварии, катастрофе и т. д. В связи с этим обстоятельством различают альтернативный и безальтернативный риск.

На принятие решения о риске в опасной ситуации влияют факторы внешней среды и особенности личности сотрудника органов внутренних дел. К факторам внешней среды относятся: сложность ситуации, имеющиеся альтернативы поведения, объем информации об обстановке, дефицит времени, нормы и правила деятельности, ответственность и т. п. Говоря о факторах внешней среды, необходимо отметить, что решающее значение для обоснованного решения о риске играет адекватная оценка сотрудниками органов внутренних дел обстановки, конкретных действий правонарушителей, физического состояния потерпевших и своих профессиональных возможностей. Что касается особенностей личности сотрудников органов внутренних дел, то здесь решающую роль в принятии решения о риске играет стремление к достижению успеха или избеганию неудачи. В связи с этим можно выделить три типа поведения в ситуациях риска:

1) поведение, ориентированное на оправданный риск, направлено на достижение социально значимых целей и связано с адекватной оценкой сотрудником особенностей ситуации и своих возможностей, а также высоким чувством ответственности и стремлением к достижению успеха;

2) поведение, ориентированное на неоправданный риск, обычно определено стремлением пережить «чувство опасности». Сотрудникам, склонным к такому поведению, присущи переоценка своих способностей и недооценка особенностей ситуации;

3) поведение, ориентированное на действия, связанные с неоправданной осторожностью. Такие люди теряются в сложных ситуациях, становятся нерешительными, для них характерно стремление избежать неудачи.

Уже на начальном этапе профессионально-психологической подготовки сотрудников к применению огнестрельного оружия необходимо помочь им уяснить сущность психологических терминов и понятий, отражающих особенности восприятия, и дальнейших действий в ситуациях, связанных с ним.

Центральным для уяснения сущности ситуации, в которой может быть нанесен ущерб здоровью сотрудника полиции или получена психическая травма, является понятие «опасность».

Опасность – это стресс-фактор, отражающий осознание сотрудником органов внутренних дел того обстоятельства, что поведение правонарушителей, действие стихийных сил природы, авария или катастрофа могут причинить ему физический или психологический вред, привести к несчастному случаю и, возможно, гибели. Осознание опасности обычно сопровождается сильными

эмоциональными переживаниями страха, растерянности, ужаса, угрозы.

В зависимости от степени реальности воздействия опасности на поведение сотрудников следует различать:

– потенциальную опасность. С этой точки зрения любой контакт с правонарушителями, как показывает практика, является потенциально опасным, таящим в себе угрозу для жизни, здоровья сотрудника органов внутренних дел. Поэтому так важно для сотрудника полиции воспитывать у себя здоровую настороженность, наблюдательность, проницательность, бдительность, осмотрительность, готовность при необходимости прибегнуть к помощи оружия даже в типовой ситуации несения службы (выезд на семейный скандал, место происшествия, следственный эксперимент, проверка документов и т. п.);

– мнимую опасность. В данном случае реально опасность отсутствует, но в сознании работника создан вымышленный образ опасной ситуации и соответствующий этому образу план своих действий. Часто это происходит в силу неточной оценки ситуации, поведения конкретных лиц и неверного понимания речевых сообщений, преувеличения отдельных деталей ситуации, как бы несущих угрозу для безопасности сотрудника органов внутренних дел;

– спровоцированную опасность. Проявляя отдельные личностные качества (агрессивность, грубость, бестактность, хамство, жестокость и т. п.), сотрудник может спровоцировать нападение на себя со стороны других лиц, представляющее серьезную угрозу его жизни и здоровью;

– реальную опасность. Реальная опасность возникает и проявляется в динамике опасной ситуации, содержащей реальную угрозу жизни, здоровью, чести и достоинству сотрудника органов внутренних дел.

Следующим важным для формирования психологической готовности личности сотрудника полиции является понятие «угроза».

Под угрозой следует понимать действие факторов, создающих опасность для жизни, здоровья, безопасности личности и имущества. Источниками опасности могут быть личность и действия другого человека, социальной и природной среды, механизмов. Угроза, ситуация опасности и носитель опасности осознаются субъектом как таковые и вызывают ответные действия, связанные с их предотвращением. Если они не осознаются субъектом как таковые, то они могут влиять на психические состояния, но не могут вызывать целенаправленных действий по их предотвращению.

Немедленная угроза – ситуация опасности, при которой носитель угрозы обладает средствами для реализации угрозы, при этом ситуация опасности, осознание угрозы, агрессия и реакция (действия по предотвращению угрозы) совпадают по времени.

Реальность угрозы – степень фактической осознанности субъектом фактора угрозы, опасности, при этом для судебной психологии важно разделить субъективное восприятие реальности угрозы, опасности (психически действующая реальность) и объективно действующую угрозу, опасность (в независимости от степени осознанности субъектом).

Мнимая угроза – ситуация, при которой субъект воспринимает факторы угрозы, ситуацию как опасную в силу неадекватности оценки ситуации.

Непосредственная угроза – осознание субъектом носителя угрозы как субъекта, обладающего средствами реализации угрозы в отношении первого.

Состояние необходимой обороны возникает с момента непосредственной реальной угрозы причинения потерпевшему вреда здоровью или смерти (например, посягающий направил огнестрельное оружие на потерпевшего или сотрудника полиции, манипулирует ножом). В подобных ситуациях с учетом реальной оценки обстановки сотрудник полиции имеет право стрелять первым.

Руководителям служебной и морально-психологической подготовки необходимо учитывать то, что при профессионально-психологической экспертной оценке применения оружия сотрудниками полиции и оценке их психического состояния устанавливается наличие или отсутствие в ситуации применения оружия так называемого критического инцидента.

Сущностью критического инцидента является не столько объективная сущность опасности, сложности ситуации, сколько ее субъективная, событийная личностная оценка человеком степени опасности и угрозы ситуации.

Таким образом, следует пояснить сотрудникам, что именно сильное эмоциональное переживание конкретного факта, эпизода, момента, ситуации и последующего возвращения в эту ситуацию делает его личностно значимым событием. В зависимости от индивидуально-психологических особенностей личности сотрудника и субъективного восприятия и переживания им угрозы и опасности, самой наличной ситуации критическим инцидентом может быть как отдельный конкретный психический факт – эпизод, момент, ситуация, имеющие значение события, так и переживание эмоционально выраженного психического состояния.

Таким образом, критический инцидент может представляться в виде психического факта – единичного, конкретного события, эпизода; в виде переживания как осознания опасности угрозы психической целостности, травмы; в виде переживания и возвращения к психическому факту в его опыте, наделяя его личностно значимым смыслом события; в виде психического острого стрессового психотравмирующего состояния.

Кроме того, при экспертной оценке ситуаций применения оружия сотрудниками полиции в рамках производства служебных проверок и судебно-психологических экспертиз достоверно установлено, что дополнительными критериями оценки посттравматического стрессового состояния сотрудников полиции являются: 1) психическое образование в виде психической реальности субъективного образа критического инцидента и/или совокупного субъекта угрозы и опасности при наличии специфического посттравматического фона; 2) посттравматическая стрессовая дезадаптация при негативном экстремальном боевом профессиональном опыте.

Субъективный образ критического инцидента – это отражение объективной действительности в форме целостного сложноорганизованного субъективного образа, проявляющегося в переживании юридически значимой ситуации как в возврате в ситуацию критического инцидента в качестве личностно значимого события, в ходе которого актуализируются и гиперболизируются представления угрозы и опасности, запускающие психологический механизм переноса эмоциональных и поведенческих реакций в юридически значимой ситуации, в результате действия которых происходит сужение сознания и внесение элементов искажения, приводящие к нарушению психической деятельности и проявляющиеся в виде отдельных действий, операций, динамических стереотипов. При этом вектор направления сознания нацелен на саму ситуацию и поведение в ней.

Совокупный субъект угрозы и опасности – это закрепившиеся в психике человека (то есть имеющие тенденцию к повторению, облегченному воспроизведению и протеканию) психические явления в виде целостного сложноорганизованного субъективного образа объективной действительности, в основе которого лежит индивидуальное (ирреальное) отражение объективной реальности в сознании человека и осознание степени ее опасности, представление о масштабах возможной угрозы, предположения о возможных последствиях. Вектор направления в сознании не дифференцирован, но в то же время сужен на конкретном, определенного вида (образа) человеке и его поведении (или намерениях), ассоциируемых с негативными эмоциями страха, ужаса, угрозой безопасности.

Во всех случаях применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел лицам, проводящим служебную проверку, для оценки действий сотрудника и раскрытия субъективной стороны юридического факта применения огнестрельного оружия необходимо установить:

1) способность субъекта осознавать значение своих действий и руководить ими в ситуации применения оружия (правомерное, неправомерное);

2) цели, мотивы, поведенческие особенности субъекта, применившего оружие, в конкретной ситуации применения огнестрельного оружия;

3) особенности психического состояния лиц, вовлеченных в ситуацию применения сотрудником оружия и оказавших влияние на действия сотрудника;

4) индивидуально-психологические особенности и свойства личности и их конкретное проявление в ситуации применения оружия.

Независимо от предметного вида профессионально-психологической экспертизы, сотрудник, применивший оружие, должен рассматриваться через призму служебной и профессиональной деятельности. Предметом экспертного исследования является установление взаимосвязи между четырьмя объектами профессионально-психологической экспертизы, проводимой специалистом-психологом, а именно личностью, психическим состоянием и поведением подэкспертного лица в конкретной ситуации применения огнестрельного оружия.

Примерный перечень вопросов использования специальных психологических знаний руководителем ОВД по фактам применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции, определения пределов необходимой обороны:

Имеются ли у сотрудника (фамилия, имя, отчество) индивидуально-психологические особенности, оказавшие существенное влияние на его способность правильно понимать сложившуюся обстановку (указать какую), осуществлять осознанное руководство своими действиями и соотносить свое поведение с требованиями ситуации?

С учетом личностных особенностей сотрудника (фамилия, имя, отчество) мог ли он правильно оценивать ситуацию посягательства и поведение потерпевшего, являлась ли для него эта ситуация психотравмирующей, экстремальной?

В каком эмоциональном состоянии находился сотрудник (фамилия, имя, отчество), чем оно было вызвано и какое влияние оказало на его способность правильно оценивать сложившуюся ситуацию, соотносить свои действия с ее условиями, осуществлять осознанное руководство своим поведением?

С учетом эмоционального состояния, индивидуально-психологических особенностей сотрудника (фамилия, имя, отчество) был ли он способен к осознанному руководству своим поведением, мог ли точно соотнести свои оборонительные действия с условиями ситуации?

3.2. Рекомендации по использованию психологических знаний руководителями органов внутренних дел Российской Федерации в юридически значимых ситуациях профессиональной деятельности

Последствия участия сотрудника в вооруженном столкновении проявляются в виде типичных симптомов стресса – нарушении сна, бессонницы, повышенной раздражительности, непроизвольного вторжения в сознание травматических воспоминаний, неадекватных эмоциональных реакций.

Специалисты дают перечень основных, наиболее типичных компонентов реакции, присутствующих у сотрудников после применения ими оружия:

- отрицание стресса;
- воспоминание об инциденте;
- боязнь юридических последствий;
- присутствие чувства, что исключен из общества, жизнь которого регламентирована законом;
- боязнь возмездия со стороны друзей, семьи убитого;
- нарушение сна, возможно, с кошмарными сновидениями;
- подспудный страх: вдруг это случится опять;
- чувство изолированности от остальных людей, в том числе и от коллег;
- ощущение, что с ним обращаются как с человеком, подозреваемым в убийстве;
- потеря интереса к работе и мысли об оставлении службы, связанной со строгим исполнением закона;
- разнообразные импульсивные эмоциональные реакции, включающие вину, отчужденность, злость, восторг, смущение, депрессию и т. п.

Сотрудник, применявший оружие на поражение, подвергается неприятной процедуре административного или судебного расследования, что усугубляет его стрессовое состояние. Вторым «ранением» может стать безучастное отношение к нему в этот период, именно из-за этого некоторые сотрудники решают уйти из органов внутренних дел досрочно.

В связи с этим предлагаются основные принципы помощи, которые разработаны Американской ассоциацией полицейских психологов и дают возможность свести к минимуму проблемы в эмоциональной сфере личности, возникающие у сотрудников после применения ими оружия.

Исследования показали, что применение данных рекомендаций снижает вероятность возникновения психологических проблем, являющихся следствием применения огнестрельного оружия, в результате которого были убиты или ранены.

В задачу этого перечня входит снабжение руководителей и командиров информацией о наиболее конструктивных приемах помощи. Необходимо помнить, что наибольший эффект будет достигнут, если они будут использованы не в качестве жесткой конструкции, а в динамичной, подходящей для каждого конкретного случая манере.

Действия руководителей органов внутренних дел в ситуациях применения сотрудниками огнестрельного оружия¹:

1. Покажите заинтересованность, работая на месте происшествия. Окажите первую физическую, медицинскую и моральную помощь пострадавшему подчиненному.

2. Создайте психологический «разрыв»: уведите сотрудника от тела убитого на некоторое расстояние или от места происшествия. Сотрудник не должен остаться один, а постоянно находиться с руководителем, сослуживцем и вернуться к месту происшествия лишь в случае необходимости. Этот «разрыв» не должен иметь стимулирующий характер, то есть не сопровождаться употреблением лекарств, напитков, содержащих кофеин.

3. Объясните сотруднику, какие административные процедуры будут проведены в связи с событием и почему. Это необходимо для того, чтобы сотрудник не воспринимал расследование как действие против него лично, а понял, что процедура предусматривается правилами и она неизбежна.

¹ Метелев А. В. Психологическая помощь сотрудникам, применившим оружие на поражение: методические рекомендации. Ижевск, 2010.

4. Если оружие изымается как вещественное доказательство, его необходимо вернуть владельцу сразу, как это станет возможным. Перед изъятием сообщите сотруднику об этом. Данный пункт может быть модернизирован в зависимости от тяжести и степени психического состояния сотрудника, например очень оживлен, очень удручен, склонен к самоубийству и т. д.

5. Сотруднику обязательно должна быть предложена помощь адвоката для защиты личных интересов (если в этом есть необходимость).

6. Сотруднику должно быть дано время для восстановления сил перед началом детального разбирательства обстоятельств происшедшего. Сотрудник и члены его семьи должны быть защищены от прессы и любопытствующих.

7. Полная изоляция сотрудника порождает чувства недоверия и враждебности. Сотрудник может находиться со своим товарищем, коллегой, прошедшим подобное расследование (во избежание осложнений ситуация не должна обсуждаться до начала предварительного расследования). Очень важно показать свою озабоченность и поддержку в данный период.

8. Если сотрудник не ранен, то он или представитель подразделения должны связаться по телефону либо встретиться с семьей и дать знать о случившемся до того, как слухи из других источников их достигнут. Если же сотрудник ранен, то кто-то из коллег, знакомый с семьей, должен привезти их в госпиталь. Следует обзвонить друзей, родственников, чтобы гарантировать, что и сотрудник, и семья не останутся без моральной поддержки.

9. Заинтересованность и поддержка, высказанная лично вышестоящим руководителем, зачастую сглаживает остроту возможных проблем.

Руководителю, командиру совсем не обязательно комментировать ситуацию или делать заявления по возможной правовой или служебной оценке действий сотрудника, но они могут и должны показать свою озабоченность и неравнодушие сотруднику, оказавшемуся в такой серьезной стрессовой ситуации.

10. Сотруднику должен быть дан небольшой отпуск (с сохранением денежного содержания) для того, чтобы он справился с эмоциональными переживаниями. Обычно 3-4 дня являются достаточным временем, но следует руководствоваться состоянием человека.

Некоторые, однако, предпочитают, чтобы хотя бы незначительная нагрузка была им оставлена. В зависимости от ситуации и реакции сотрудника, возможно, все же будет лучше, если временно снять его с патрулирования и тем самым избежать ситуации «двой-

ного удара», когда, вернувшись к своим обязанностям, он может столкнуться с вероятностью возникновения схожего критического инцидента до завершения расследования и вынесения решения по предыдущему происшествию.

11. Следует провести обязательное конфиденциальное собеседование с дипломированным профессионалом-психологом и психотерапевтом, знакомыми с системой ОВД и стрессовыми ситуациями, ей присущими, до того, как сотрудник приступит вновь к исполнению своих служебных обязанностей. Это собеседование должно быть проведено как можно раньше после инцидента. Возвращение на службу и (или) готовность сотрудника принять участие в судебных заседаниях должны быть определены психологом.

Все сотрудники, бывшие на месте происшествия, должны пройти собеседование с психологом в течение 72 часов после критического инцидента. Поскольку собеседование может быть групповым, то сотрудники, непосредственно участвовавшие в перестрелке, могут выразить нежелание в них участвовать, мотивируя отказ разницей ощущений участника и наблюдателя. Поэтому для них должны быть предусмотрены отдельные беседы.

12. Должны быть представлены возможности для семейной поддержки и обсуждения на семейном совете.

13. Если телефонный номер сотрудника опубликован в адресной книге, желательно, чтобы кто-то из подразделения отвечал на звонки, которые автоматически регистрируются, поскольку зачастую возможны угрозы сотруднику и его семье.

14. Руководитель должен сообщить остальным сослуживцам о происшедшем, чтобы сотрудник был избавлен от шквала вопросов и кривотолков.

15. Необходимо отслеживать окончание расследования по факту применения оружия и немедленно известить о результатах самого сотрудника.

16. Необходимо учитывать личные интересы сотрудника при подготовке отчетов для прессы.

17. Для всех сотрудников, вовлеченных в инцидент, может оказаться полезным разговор с коллегами, которые оказывались в сходной ситуации. Такие сослуживцы-эксперты должны привлекаться к собеседованию наряду с психологами для оказания последующей поддержки.

18. Возвращение к службе должно быть поэтапным, например работа в паре, исполнение более простых заданий. Нежелательность дискомфорта психологического состояния сотрудника очевидна, поэтому, чтобы избежать таких последствий, необходим тренинг поведения сотрудников ОВД в критических ситуациях.

Принятие алкоголя, успокаивающих или стимулирующих препаратов, курение вовсе не являются выходом. Снять нервное напряжение лучше путем «проговаривания» эмоций, чувств, опасений в доверительной и дружеской обстановке. Дав сотруднику возможность выговориться, надо создать атмосферу понимания, участия и поддержки, суметь внимательно выслушать и побудить сотрудника к дальнейшему общению. Кризис, в том числе психологический, означает одновременно и опасность, и надежду на позитивный личностный рост: укрепление каких-то важных личностных качеств, повышение устойчивости к новым стрессовым ситуациям. Вспомним, как уважительно мы говорим про человека: «Это стреляный воробей», или известную поговорку: «За одного битого двух небитых дают».

Контролируемый стресс дает возможность личностного роста, вышедший из-под самоконтроля – наносит ущерб физическому здоровью, психическому самочувствию и глубинным основам личности. Чем больше в профессии неконтролируемых ситуаций или событий, чем ограниченнее мы в своих возможностях влиять на их исход, тем большее значение имеет овладение приемами снятия нервно-эмоционального напряжения после выполнения профессиональных задач.

Умение управлять собой, своими психическими состояниями требует дополнительных настойчивых упражнений, в том числе и самостоятельных. Поэтому методика должна ориентировать сотрудников:

- на разъяснение природы стресса и различных видов стрессовых состояний;
- объяснение наиболее рациональных (разумных) способов управления своим состоянием;
- проведение первоначальных упражнений для приобретения исходных навыков;
- дачу рекомендаций по самостоятельному доведению умения владеть собой до автоматизированного навыка, позволяющего пользоваться им в практической деятельности, в различных кризисных ситуациях.

Опыт показывает, что необходимо ознакомить обучаемых с методами самоконтроля, самоуправления, саморелаксации и самомобилизации, формами и методами аутогенной тренировки, способами произвольной регуляции внимания и мыслительной деятельности.

Занятия могут проводиться как в специально оборудованных кабинетах психологической разгрузки (саморегуляции), так в поме-

щениях для отдыха. В настоящее время имеется большой объем методической и популярной литературы, посвященной психической саморегуляции и аутогенной тренировке. Необходимую информацию можно почерпнуть, в частности, в методических рекомендациях и пособиях, подготовленных психологической службой МВД России.

Ниже мы представляем примерный перечень вопросов, возникающих в процессе психологического обеспечения в юридически значимых и психолого-релевантных ситуациях работы с личным составом.

1. Общий перечень вопросов, требующих специальных психологических знаний.

Каковы индивидуально-психологические особенности личности сотрудника (фамилия, имя, отчество) и как они повлияли на его поведение во время совершения правонарушения (указываются конкретные ситуации, требующие психологической оценки)?

Учитывая индивидуально-психологические особенности, психическое состояние, а также конкретные обстоятельства исследуемой ситуации, мог ли сотрудник (фамилия, имя, отчество) правильно воспринимать происходящие события, совершаемые им действия, осознавать их характер и значение, сохранять в памяти и давать адекватные показания?

Имеются ли у сотрудника (фамилия, имя, отчество) индивидуально-психологические особенности, препятствующие ему правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания?

Мог ли сотрудник (фамилия, имя, отчество) по своему психическому состоянию в ситуации применения оружия правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и может ли давать правильные показания?

Имеются ли у сотрудника (фамилия, имя, отчество) резко выраженные отклонения в восприятии и понимании определенных явлений (людей, их намерений и мотивов поведения, экстремальности, опасности ситуации и т. д.)?

Какова субъективная оценка сложившейся ситуации применения оружия с точки зрения сотрудника (фамилия, имя, отчество)?

Исходя из установленных обстоятельств (перечисляются обстоятельства) и анализа указанных ситуаций (указываются конкретные ситуации), не носило ли поведение сотрудника (фамилия, имя, отчество) зависимый от ситуации характер?

Не находился ли сотрудник (фамилия, имя, отчество) в психическом состоянии в форме физиологического аффекта, стресса, фрустрации либо другом юридически значимом эмоциональном состоянии, которое могло существенно повлиять на способность сознавать значение своих действий и руководить ими в указанных ситуациях, и если да, то в какой мере?

Какова субъективно-психологическая оценка мотивов действий сотрудника (фамилия, имя, отчество) в указанных ситуациях, как применения оружия, так и проведения служебной проверки?

2. Проявление агрессивно-насильственных действий с умышленным причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью.

Специальные психологические знания:

а) установление способности сотрудником правильно воспринимать отдельные факты или внешнюю сторону событий;

б) установление способности правильно воспринимать внутреннее содержание событий или действий, то есть понимать их;

в) установление влияния условий восприятия на способность правильно воспринимать важные для дела обстоятельства и давать о них правильные показания.

Для реализации указанных целей необходимо решить следующие задачи:

– определить возрастные и индивидуальные особенности психического развития сотрудника (фамилия, имя, отчество), в том числе уровень развития речи, степень и глубину нарушений в психическом развитии;

– исследовать мнестические возможности, особенно те виды памяти, которые использовались при запоминании информации, имеющей значение для дела;

– изучить особенности познавательной сферы и индивидуально-психологические особенности, оказывающие влияние на процессы запоминания, переработки, сохранения и воспроизведения информации;

– определить наличие (или отсутствие) повышенной внушаемости, повышенного фантазирования;

– проанализировать условия восприятия информации, а также оценить содержание, степень объективной и субъективной значимости и сложности для сотрудника воспринимаемых им событий;

– рассмотреть и учесть динамику психического и эмоционального состояния субъекта в период восприятия юридически значимой ситуации.

Вопросы, требующие специальных психологических знаний:

Имеются ли у сотрудника (фамилия, имя, отчество) индивидуально-психологические особенности познавательной, эмоционально-волевой сферы, характера, которые могли существенно повлиять на его психическое состояние в период, предшествовавший криминальной ситуации и в процессе ее развития?

Учитывая индивидуально-психологические особенности сотрудника (фамилия, имя, отчество), могли ли его отношения с потерпевшим в период, предшествовавший криминальной ситуации, существенно повлиять на сознание и деятельность? Если могли, то как именно?

Учитывая индивидуально-психологические особенности сотрудника (фамилия, имя, отчество) и содержание исследуемой ситуации, находился ли он в момент инкриминируемого деяния в психологическом состоянии (физиологический аффект, фрустрация, стресс, растерянность и т. д.), которое могло существенно снизить его способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими?

Какое влияние могло оказать алкогольное опьянение на состояние и деятельность сотрудника (фамилия, имя, отчество) в момент совершения инкриминируемого деяния?

3. Психологическая экспертиза посттравматических стрессовых состояний¹.

Специальные психологические знания проявляются в установлении взаимосвязи динамики выраженности посттравматического стрессового состояния в юридически значимой ситуации и его влияния на способность сознавать значение своих действий и руководить ими.

При диагностике посттравматического стрессового состояния объективной стороной, определяющей действия сотрудника, является установление взаимосвязи между событийным компонентом критического инцидента в ситуации травматического стресса, имеющегося в опыте подэкспертного, и исследуемой ситуации правонарушения в постстрессовый период, являющейся объектом служебной проверки (расследования).

В ходе психологической оценки субъективной стороны действий сотрудника в определенной юридически значимой ситуации

¹ *Иванов С. Н., Метелев А. В.* Психологическая экспертиза посттравматических стрессовых состояний сотрудников органов внутренних дел: монография. Ижевск, 2007.

мы должны исследовать две неразрывные, взаимосвязанные стороны – профессиональную и личностную субъектность. Необходимо исследовать сформированный профессиональный опыт действий сотрудника в профессиональных ситуациях и личностный опыт разрешения конфликтных, стрессовых ситуаций во внеслужебных отношениях (в социуме).

Реализуя методологический научный принцип единства прошлого и настоящего в посттравматическом стрессовом переживании (состоянии) при экспертной профессионально-психологической оценке связи субъективной стороны юридически значимой ситуации (правонарушения) с поведением в ней сотрудника, мы должны ответить на главные вопросы экспертизы посттравматического стрессового состояния.

Вопросы, требующие специальных психологических знаний.

Каковы индивидуально-психологические особенности личности сотрудника (фамилия, имя, отчество) и как они проявились в юридически значимой ситуации (указывается исследуемая ситуация проступка, правонарушения)?

Обусловлены ли они действием травматического стресса периода участия в боевых действиях и оказали ли они существенное влияние на поведение сотрудника (фамилия, имя, отчества) в исследуемой ситуации?

Имеются ли в индивидуальных особенностях личности сотрудника (фамилия, имя, отчество) признаки комбатантной акцентуации?

В каком психическом состоянии находился сотрудник (фамилия, имя, отчество) в момент совершения правонарушения? Обусловлено ли это состояние действием травматического стресса и экстремальным боевым опытом, и если да, то как оно повлияло на способность сознавать значение своих действий и руководить ими в юридически значимой ситуации?

Существует ли взаимосвязь между опытом поведения в ситуациях боевых действий и специальных операций (обстоятельства) и поведением (действиями) сотрудника (фамилия, имя, отчество) в юридически значимой ситуации?

4. Совершение различных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения.

Специальные психологические знания проявляются в установлении взаимосвязи мотивов употребления алкоголя и юридически значимой ситуацией:

а) цель принятия алкоголя – облегчить совершение умышленного преступления; б) цель принятия алкоголя – получить удо-

вольствие, но субъект, зная особенности своего характера и действия на него алкоголя, представляет себе возможные последствия, но игнорирует их; в) ситуация аналогична предыдущей, но связана не с осознанно-равнодушным отношением к возможным последствиям, а с легкомысленным отношением к ним или нежеланием задумываться о них; г) алкоголь принимается субъектом случайно, по ошибке или впервые, в результате принуждения и т. п.

В первой из классифицированных выше ситуаций речь будет идти о прямом умысле; вторая ситуация позволяет говорить о косвенном умысле; третья – о преступной неосторожности в отношении содеянного и, наконец, четвертая – об отсутствии вины.

Вопросы, требующие специальных психологических знаний.

Какое влияние могло оказать алкогольное опьянение на состояние и деятельность сотрудника (фамилия, имя, отчество) в момент совершения правонарушения?

Не повлекло ли состояние опьянения конкретного субъекта в конкретной ситуации ограничения полноты осознания им фактического характера и противоправности общественно опасных действий (указать каких), способности руководить ими?

Заключение

Резюмируя сказанное выше, остановимся на следующих положениях и выводах.

Главным направлением исследований юридической психологии является анализ взаимоотношений в системе «человек – право». Анализ наиболее авторитетных исследований в юридической психологии свидетельствует о предпочтении их авторов изучать скорее профессиональную деятельность в сфере правопорядка, чем сложившиеся тенденции в сфере правотворчества и функционирования самой системы права. История становления предмета юридической психологии действительно тесно связана именно с интеграцией юридических и психологических знаний.

Для эффективной реализации управленческой деятельности руководителям необходимо владеть специальными психологическими знаниями или обращаться непосредственно к специалистам-психологам. Современный этап развития юридической психологии характеризуется широким освоением достижений мировой психологической мысли, активным проведением разнообразных прикладных исследований проблем и феноменов правоохранительной деятельности. Для юридической психологии и экспертной деятельности, в частности в исследовании индивидуальности объекта, важна не столько диагностика индивидуальных свойств как таковых, сколько их проявление в конкретный момент и в определенной ситуации, значимой для права.

В целях совершенствования профессиональной деятельности руководителей органов внутренних дел Российской Федерации, непосредственно связанной с использованием знаний юридической психологии в оценке психолого-релевантных и юридически значимых ситуаций, нами рассмотрены научно-методологические подходы к изучению предмета юридической психологии, место и роль прикладной юридической психологии в системе научного знания и практической деятельности руководителей органов внутренних дел.

Уделено внимание минимально необходимому категориально-понятийному аппарату использования психологических знаний в прикладной юридической психологии для повышения психологической компетентности руководителей ОВД. При этом для раскрытия проблемы содержания категориального аппарата приклад-

ной юридической психологии и его психотехнической основы мы учитывали положения, отмеченные Ф. С. Сафуановым и значимые для повышения корпоративно-профессиональной ментальности и юридико-психологической компетенции руководителей органов внутренних дел:

1) прикладная юридическая психология обладает специальной методологией юридико-психологических исследований особенностей психической деятельности, имеющих юридическое значение и влекущих за собой определенные правовые последствия;

2) специальный субъект и объект познания, регламентированный законодательными и ведомственными подзаконными актами и нормативными требованиями, жестко сопряженными с правом;

3) исследование психической деятельности специальными субъектами основано на специальных знаниях прикладной юридической психологии.

На конкретных примерах экспертной психопрактики нами представлены материалы исследования особенности психической деятельности специального субъекта – сотрудника полиции в юридически значимых ситуациях применения огнестрельного оружия, имеющих уголовный и психолого-релевантный характер.

Предложены конкретные рекомендации по использованию психологических знаний прикладной юридической психологии в профессиональной деятельности руководителя органов внутренних дел Российской Федерации.

Список литературы

Аминов И. И. Юридическая психология: учебное пособие. Москва, 2007.

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. Санкт-Петербург, 2016.

Балин В. Д. Теоретическая психология: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2017.

Барабанщиков В. А. Системность в психологии: методологическая позиция и пути ее реализации // Системная организация и детерминация психики. Москва, 2008.

Васильев В. Л. Юридическая психология: учебник для вузов. 5-е изд., доп. и перераб. Санкт-Петербург, 2005.

Гулевич О. А. Психология в суде присяжных. Аналитический обзор: учебное пособие. Москва, 2003.

Дубинина Е. Н. Юридизация отношений в современном обществе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010.

Дулов А. В. Судебная психология: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Минск, 1975.

Еникеев М. И. Юридическая психология. Москва, 2005.

Ильина В. А. К вопросу о предмете юридической психологии // Психология и право. 2018. Т. 8. № 2.

Кертэс И. Тактика и психологические основы допроса: монография / под общ. ред. А. И. Винберга. Москва, 1965.

Колоскова И. Ю., Соколов Н. Я. Юристы как социально-профессиональная группа (советский период) // Государство и право. 2003. № 10.

Костицкий М. В. Введение в юридическую психологию: методологические и теоретические проблемы. Киев, 1990.

Криминальная психология: курс лекций / под науч. ред. О. Д. Ситковской; Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Москва, 2013.

Куайн У. Слово и объект. Москва, 2000.

Ленин В. И. Философские тетради: в 29 т. Москва, 1973. Т. 29.

Ломов Б. Ф. Системность в психологии // Избранные психологические труды / под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. Москва, 2003.

Молчанов С. В. Мораль справедливости и мораль заботы: зарубежные и отечественные подходы к моральному развитию // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2011. № 2.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва, 1999.

Оль П. А. Правовая реальность: формально-содержательный анализ: монография / под ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова. Санкт-Петербург, 2005.

Орел А. А. Психологические ресурсы самореализации личности в пространстве профессионального бытия: автореф. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2011.

Петряков Л. Д. Дискурсивная реальность как объект философского анализа: онтологический и гносеологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2014.

Поздняков В. М. Психологическая юриспруденция как область интересов юристов и психологов // Психология и юриспруденция в динамично изменяющемся мире: сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва, 19 сентября 2012 г.). Москва, 2012.

Поздняков В. М. Психологическая юриспруденция как междисциплинарная наука и область психопрактики // Психология и право. 2017. № 1 (7).

Поздняков В. М. Юридическая психология: генезис и перспективы // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2.

Прикладная юридическая психология: учебное пособие для вузов / под ред. проф. А. М. Столяренко. Москва, 2001.

Ратинов А. Р. Избранные труды / сост. М. В. Кроз, Н. А. Ратинова. Москва, 2016.

Романов В. В. Юридическая психология: учебник для академического бакалавриата. 6-е изд., перераб. и доп. Москва, 2015.

Сафуанов Ф. С. Существует ли специальная методология юридической психологии? Приглашение к дискуссии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1.

Ситковская О. Д. Конвергенция юридической психологии и правовой науки // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 2 (34).

Сорокин В. В. Правовая психология: вопросы общей теории права: монография. Москва, 2015.

Философский энциклопедический словарь. Москва, 1998.

Чернышева Е. В., Багаутдинова В. Р. Развитие юридической психологии в России в XXI веке // Вестник Гуманитарного университета. 2016. № 1 (12).

Чимаров С. Ю., Алексеев А. А. Деонтологические основы служебной дисциплины полиции государств африканского региона: монография. Санкт-Петербург, 2021.

Шаранов Ю. А., Боброва И. А., Ситников В. Л. Психологические особенности деонтологического регулирования поведения сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26. № 2 (85).

Шаранов Ю. А., Кобозев И. Ю., Антилогова Л. Н. Самоусиление тенденции к психологизации права в современном юридическом дискурсе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27. № 1 (88).

Шувалов И. И. Правотворчество в механизме управления обществом: необходимость комплексного исследования. Москва, 2006.

Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А. М. Столяренко. Москва, 2003.

Юридическая психология: конспект лекций / сост. И. А. Горьковая. Москва; Санкт-Петербург, 2005.

Юридическая психология: учебник / под науч. ред. О. Д. Ситковской. Москва, 2011.

Нормативные правовые акты и литература, использованные при написании рецензии

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении отраслевой учетной и отчетной медицинской документации по судебно-психиатрической экспертизе: приказ Минздрава России от 12 августа 2003 г. № 401.

5. ГОСТ Р 57344-2016 «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения».

6. Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы: хрестоматия / авт.-сост.: Ф. С. Сафуанов, Е. В. Макушкин. Москва, 2013.

7. *Вандыш-Бубко В. В., Сафуанов Ф. С.* Ограниченная вменяемость: судебно-экспертологический анализ // Юридическая психология. 2009. № 2.

8. *Дмитриева Т. Б. и др.* Подготовка следователем материалов для судебно-психиатрической экспертизы: практическое пособие. Москва, 2006.

9. *Енгальцев В. Ф., Шипшин С. С.* Практикум по судебно-психологической экспертизе: учебно-методическое пособие для экспертов. Калуга, 2010.

10. *Иванов С. Н., Метелев А. В.* Психологическая экспертиза посттравматических стрессовых состояний сотрудников органов внутренних дел: монография. Ижевск, 2007.

11. *Исаева И. В. и др.* К вопросу о расхождении в выводах при квалификации эмоциональных состояний (аффектов) в практике повторных КСППЭ // Психология и право. 2017. № 2 (7).

12. *Коньшева Л. П.* Внеэкспертные формы использования специальных познаний психолога в уголовном судопроизводстве // Прикладная юридическая психология: учебное пособие для вузов / под ред. проф. А. М. Столяренко. Москва, 2001.

13. *Коченов М. М.* Введение в судебно-психологическую экспертизу. Москва, 1980.

14. *Коптев С. Л.* Категориальный аппарат судебной психологии: учебное пособие. Ижевск, 2012.

15. *Кудрявцев И. А.* Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. Москва, 1988.

16. *Кудрявцев И. А., Савина О. Ф., Морозова М. В.* Определение целесообразности и необходимости назначения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз: информационное письмо. Москва, 2006.

17. *Кудрявцев И. А., Морозова М. В., Савина О. Ф.* Руководство по написанию заключения экспериментально-психологического исследования подэкспертного при проведении однородных судебно-психиатрических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз: руководство для врачей. Москва, 2014.

18. *Кудрявцев И. А., Морозова М. В., Савина О. Ф.* Принципы сбора и анализа экспертной информации // О современных видах и методах комплексных судебно-психиатрических экспертных исследований: сборник методических рекомендаций и пособий для врачей / под ред. Т. Б. Дмитриевой. Москва, 2008.

19. *Лукманов М. Ф.* Клинико-социальные особенности алкоголизации и пограничных психических расстройств у ветеранов войны в Афганистане: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Архангельск, 1995.

20. *Морозова М. В. и др.* К вопросу дифференциации и экспертной оценки эмоциональных состояний // Российский психиатрический журнал. 2014. № 5.

21. *Первомайский В. Б., Крыгина Л. А., Илейко В. Р.* Экспертная оценка аффективных состояний в судебно-психиатрической практике // Архів психіатрії. 2007. Т. 13. № 3–4.

22. *Первомайский В. Б., Илейко В. Р., Канищев А. В.* Кратковременные аффективные состояния в судебно-психиатрической практике: критерии диагностики и экспертной оценки // Клиническая и судебная психиатрия в научном наследии профессора Т. П. Печерниковой: сборник научных работ / под ред. Т. Б. Дмитриевой, А. Ю. Березанцева. Москва, 2009.

23. *Печерникова Т. П., Гульдан В. В., Остришко В. В.* Особенности экспертной оценки аффективных реакций в момент совершения правонарушения у психически здоровых и психопатических личностей: методические рекомендации. Москва, 1983.

24. *Рапинова Н. А., Савина О. Ф.* Некоторые методические принципы проведения комплексных психолого-психиатрических экспертиз по делам об агрессивно-насильственных правонарушениях // Социальная и судебная психиатрия: история и современность / под. ред. Т. Б. Дмитриева. Москва, 1996.

25. *Рапинова Н. А.* Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психологическая оценка). Москва, 2000.

26. *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. Москва, 2006.

27. *Сафуанов Ф. С. и др.* Критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически релевантных эмоциональных состояний у обвиняемых: методические рекомендации. Москва, 2016.

28. *Сафуанов Ф. С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. Москва, 1998.

29. *Сафуанов Ф. С. и др.* Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого: пособие для врачей и психологов / под ред. Т. Б. Дмитриевой, Е. В. Макушкина. Москва, 2007.

30. *Сафуанов Ф. С.* Психология криминальной агрессии. Москва, 2003.

31. *Сафуанов Ф. С.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза индивидуально-психологических особенностей и ограниченной вменяемости // Медицинская судебная психология: курс лекций. Москва, 2004.

32. *Ситковская О. Д.* Судебно-психологическая экспертиза аффекта: методическое пособие. Москва, 1983.

33. *Сорокотягин И. Н.* Привлечение специалиста для оценки экспертного заключения // Уголовный процесс. 2007. № 10.

34. Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого / под ред. Т. Б. Дмитриевой. Москва, 2007.

35. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. Москва, 2012.

36. *Ткаченко А. А.* Экспертное судебно-психиатрическое исследование: пособие для врачей. Москва, 2006.

37. *Хомяков Э. Г., Метелев А. В.* О состоянии дел и проблемах терминологических стандартов в судебной экспертизе // Вестник Удмуртского государственного университета. 2019. Т. 29. Вып. 6.

Для заметок

Учебное издание

Метелев Александр Валентинович
Михайлова Татьяна Викторовна

**ПРИКЛАДНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Учебно-методическое пособие

Редактор *Я. В. Артемьева*
Верстка *А. Е. Скрипаковой*

Подписано в печать 28.02.2023. Формат 60 × 84 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 5,07. Тираж 49 экз. Заказ № 05у.

Отделение полиграфической и оперативной печати РИО
Академии управления МВД России
125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ISBN 978-5-907530-41-6

9 785907 5304 16